

S $\frac{4}{640}$

5 $\frac{4}{640}$

85

ДРУЖЕСКІЙ РАЗГОВОРЪ

О

ДУШЕВНОМЪ МИРѢ.

Г. В. СКОВОРОДЫ.

ИЗДАНЪ

ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ИМПЕРАТОРСКАГО
ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАГО ОБЩЕСТВА, МОСКОВСКИМЪ
ПОПЕЧИТЕЛЬНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЪШЕТНИКОВА.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ пѣмь, чшобъ по оппечатаніи, до выпуска
изъ Типографіи, предспавлено было въ Цен-
сурный Комишешъ узаконенное число экзем-
пляровъ сей книги. Москва, 13 Септября
1856 года.

Ценсоръ , Архимандритъ Филаретъ.

483-62

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ,

ВЛАДИМЕРУ СТЕПАНОВИЧУ,

ЕГО БЛАГОРОДИЮ

ТЕВЯШОВУ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Идутъ къ вамъ два разговоры , жаждущіи
вашего лицезрѣнія. Удостоите ихъ своего прія-
тія. Они уже , прежде рожденія своего, опре-
дѣлены доброму вашему духу. Почтеніе мое
къ челоѡколюбному и кротчайшему батюшкѣ
вашему , усердіе мое къ вамъ ; а доброжела-
тельство къ цѣлой фамиліи вашей , приноситъ
оныя. Христова Философія , обращается около
сердца , и врачуетъ оное. Душа есть , mobile
regretium: подвижность непрерывная. Крыла ея,
суть мысли, мнѣнія, совѣты. Она, или желаетъ
чего , или убѣгаетъ отчего. Желая любить ,
убѣгая боится. Если не знаетъ , чего желать,
а чего убѣгать : тогда недоумѣетъ , сумнитъ-
ся , мучится сюда и туда ; какъ шарикъ , ка-
тается : мятется и вертится , какъ магнит-
ная стрѣла: поколь не устремитъ взоръ свой,
въ дражайшую точку , холоднаго Сѣвера.

Такъ и душа наконецъ , когда найшла То-
го , Кого нигдѣ нѣтъ , и вездѣ есть : щастлива.

VI

Сей Одинъ довлѣтъ ея насытить. А безъ Се-го, глотаеть воздухъ , съ ядущимъ , вся дни живота своего , землю змѣемъ.

Мнѣнія подобны воздуху. Онъ между сти-хіами не видень; но твердѣе земли , а сильнѣе воды : ломлетъ дерева , низвергаетъ строенія , гонитъ волны и корабли , ѣстъ желѣзо и ка-мень , тушитъ и разъяряетъ пламень.

Такъ и мысли сердечныя. Онъ не видны , какъ будто ихъ нѣтъ. Но отъ сей искры , весь пожаръ : мятежъ и сокрушеніе. Отъ се-го зерна , зависить цѣлое жизни нашей дерево. Если зерно доброе, добрыми (въ старости на-ипаче) наслаждаемся плодами. Какъ съемъ, пакъ и жнемъ.

Весьма я радъ буду , если сія книжечка въ прогнаніи, только нѣсколькихъ дней, скуки послужитъ. Но куда я доволенъ: если она, хоть въ капль внутренняго мира , поспособствуетъ. Вседражайшій, сердечный Миръ подобенъ са-мымъ драгоцѣннымъ камушкамъ. Одна крошеч-ка, цѣну свою имѣетъ. Если станемъ его одну

каплю щадить: тогда можемъ, современемъ имѣть цѣлую Чашу спасенія.

Разливши мысли наши, по однимъ наружнымъ попеченіямъ, и — не помышляемъ о душѣ: не разсуждая, что отъ нея всякое дѣло и слово проистекаетъ; а если сѣмя зло, не лзя не послѣдовать худымъ плодамъ. Все насъ сирыхъ оставить, кромѣ сего неотъемлемаго сокровища!

Представьте себѣ смѣсь людей, во всю жизнь, а паче въ кончину лѣтъ своихъ, тоскою, малодушіемъ, отверженіемъ 'утѣхъ, задумчивою грустью, печалью, страхомъ, отчаяніемъ, среди изобилія, безъ ослабы мучащихся и, вспомните, что все сіе зло и родное нещастіе, родилось отъ преслушанія, сихъ Христовыхъ словъ :

„Ищите прежде Царствія Божія. . .

„Возвратися въ домъ твой. —

„Царствіе Божіе, внутрь васъ есть!

„Омый прежде внутренность стакана. . . .“

Но благодареніе Всевышнему за то, что никогда не бываетъ поздній трудъ въ томъ,

что для человека есть самонужнѣйшее. Царствіе Божіе вдругъ, какъ молнія, озаряетъ душу и, для пріобрѣтенія Вѣры, надобенъ одинъ точію пунктикъ времени.

Дай Богъ вамъ читать, Слово Божіе, со вкусомъ и примѣчаніемъ, дабы исполнилось на васъ :

„Блаженны слышати Слово Божіе и хранящіи.“

Другій разговоръ скоро послѣдуетъ. А я пребуду,

Милостивый Государь!

Вашего Благородія,

покорнѣйшій слуга,

Любитель Священныя Библии.

Тригорій Сковорода.

ДРУЖЕСКІЙ РАЗГОВОРЪ

С

ДУШЕВНОМЪ МИРЪ.

Л И Ц А :

Афанасій, Іаковъ, Лонгинъ, Ермолай, Григорій.

Г Р И Г О Р І Й.

Перестаньте пожалуйста! Дорогіи гости мои! Пожалуйста перестаньте шумѣть: прошу покорно. Что за шумъ и смятеніе? Одинъ кричитъ: скажи мнѣ силу слова сего: знай себѣ? Другой: скажи мнѣ прежде, въ чемъ состоятъ, и что значить Премудрость? Третій вопіетъ: вся премудрость пустошь безъ Мира. Но знаешь ли: что есть Миръ? Тутъ сумма щастія. —

Слыхали ль вы, братія, четвертый вмѣшався возглашаетъ, слыхали ль вы, что значить Египетское чудовище, именуемое Сфинксъ? Что за срамъ? Думаю: что такого вздору не было и въ самомъ столпотвореніи! Сіе значить не разговоръ везти; но подѣлавшись вѣтрами, вздуть волны на Черномъ морѣ? Ес-

ли хотимъ разсуждать о Мирѣ , должно говорить осторожно и Мирно. Я мальчикомъ слыхаль, отъ знакомаго Персіанина, слѣдующую басеньку:

«Нѣсколько чужестранцовъ путешествовали въ Индіи. Рано вставши спрашивали хозяина о дорогѣ. Двѣ дороги, говорилъ имъ челоѡколюбный старикъ, вотъ вамъ двѣ дороги, служащія вашему намѣренію! Одна напрямикъ; а другая съ обнякомъ. Совѣтую держаться обняка. Не спѣшите: и далѣе пройдете. Будьте осторожны. Помните, что вы въ Индіи. — Батюшка! Мы не трусы, вскричалъ одинъ вострякъ: мы Европейцы! Мы ѣздимъ по всѣмъ морямъ, а земля намъ не страшна вооруженнымъ. — И, шовъ нѣсколько часовъ, нашли кожаной мѣхъ съ хлѣбомъ, и такое жъ судно съ виномъ. Наѣлись и напились довольно. Отдыхая подъ камнемъ, сказалъ одинъ: не дастъ ли намъ Богъ другой находки? Кажется, нѣчтось вижу въ передѣ по дорогѣ. Взгляньте: по ту сторону бездны чернѣеть что-то. . . — Одинъ говорилъ: кожаной мѣшице. Другой угадывалъ, что огорѣлый пнище. Иному казался камень, иному городъ, иному село. Послѣдній угадалъ точно. Они всѣ тамъ посѣли: нашедши на Индѣйскаго дракона, всѣ погибли. Спасся одинъ,

находясь глупѣе; но осторожнѣе. Сей по нѣкимъ примѣчаніямъ, и по внутреннему предвѣщающему ужасу, притворился остаться за нуждою на сей сторонѣ глубочайшей яруги, и услышавъ страшной умерщвляемыхъ вой, спѣшно воротился къ старику, одобривъ старинныхъ вѣковъ пословицу: *боязливаго сына матери плакать нѣгжево!*»

Не спорю: будь сія басня нестаточною; но она есть чучеломъ весьма схожимъ на житіе человѣческое. Земнородный ничемъ скорѣе не попадаетъ въ несчастіе, какъ скоропостижною наглостію: и скажу съ приточникомъ, что безсовѣтіемъ уловляются беззаконныи. Свѣтъ бо крѣпка мужу свои устнѣ, и плѣняются устнами своихъ устѣ! Посмотрите на людскую толпу и смѣсь. Увидите, что не точію пожилыи; но и самыя, съ нихъ, молодчики льстятъ себѣ, что они вооружены рогомъ единорога, спасающимъ ихъ отъ несчастія: уповая, что какъ очамъ ихъ очки, такъ Свѣтъ и Совѣтъ не нуженъ сердцу ихъ.

Сія надежда сдѣлала ихъ оплошными, наглыми въ путехъ своихъ и упрямыми.

А если мой молокососной мудрецъ сдѣлается двоихъ, или троихъ языковъ цопугаемъ,

побывавъ въ славныхъ городахъ и въ знатныхъ компаніяхъ; если вооружится Арифметикою и Геометричными кубами, пролетѣвъ нѣсколько десятковъ любовныхъ Исторій и Гражданскихъ; и — проглонувъ нѣсколько число Коперниканскихъ гилуль: во время оно Платоны, Солоны, Сократы, Пифагоры, Цицероны и вся древность, суть одни только Метелики, надъ поверхностью земли лѣтающіи, въ сравненіи нашего высокопарнаго Орла, къ неподвижнымъ солнцамъ возлѣтающаго и всѣ на Окіанѣ острова перечетшаго. Тутъ-то выныряютъ — хвалители, проповѣдающіи и удивляющіися новорожденной, въ его мозгъ, Премудрости, утаенной отъ всѣхъ древнихъ, яко не просвѣщенныхъ вѣковъ: безъ коей, однакъ, не худо жизнь проживалась. Тогда-то уже всѣ древнихъ вѣковъ реченія великій сей Дій пересуживаетъ и, будто Ювелпръ камушки, по своему благоволенію то одобряетъ, то обезцѣняетъ; сдѣлався вселенскимъ судіею. А что уже касается до Моисея и Пророковъ: и говоритъ нечево! Онъ и взгляду своего не удостоиваетъ сихъ скучныхъ говоруновъ. Сожалѣетъ будто о ночныхъ птичкахъ, въ несчастный мракъ суевѣрія влюбившихся. Все то у его суевѣріе, чего понять и принять горячка его не можетъ. И подлинно: возможно ль,

чтобъ сіи терновники могли нѣчто разумѣть о премудрости, о щастіи, о душевномъ мирѣ: когда имъ и не снилось, что земля есть планетою? Что около Сатурна есть Луна? А можетъ быть и не одна. Любезныи други! Сіи-то молодецкіи умы, плѣненны своими мнѣніями, какъ бы лестною блудницею, и будто умною бѣснующіися горячкою, лишены оберегателей своихъ, безпутно и безсовѣстно стремятся въ погибель. Портретъ ихъ живо списалъ Соломонъ въ концѣ Главы 7 й, въ Притчахъ отъ 20 го стиха. Съ таковыми мыслями, продолжаютъ путь къ старости безчисленное сердцець множество, язвою своею заражая, нахальныи нарушители печати Кесаря Августа:

„Спѣши, да исподоволь.“

Ругатели мудрыхъ, противники Богу и предкамъ своимъ, поколь вознесшисъ до Небесъ, попадутся въ зубы мучительнѣйшему безумію, у древнихъ адомъ образованному, безъ освобожденія, чтобъ исполнилось на нихъ: «Видѣхъ сатану яко молнію. . .» Да и кто жъ не дерзаетъ быть вождомъ къ щастію! Поколь Александръ Македонскій вель въ домъ живописца разговоръ о сродномъ и знакомомъ ему дѣлѣ: съ удивленіемъ всѣ его слушали. Потомъ

сталъ судейски говорить о живописи. Но, какъ только, живописецъ шепнулъ ему въ ухо: что и самыя краскотеры начали ему смѣяться: тотчасъ пересталъ. Почувствовалъ человѣкъ разумный, что Царю не было времени въ живописныя тайны вникнуть. Но — прочимъ Александроваго ума не достаетъ !

Если кто въ кую-либо науку влюбился, успѣлъ и прославился: тогда мечтаетъ, что всякое уже вѣдѣніе отдано ему за невѣстою его въ приданое. Всякій художникъ о всѣхъ ремеслахъ судейскую произноситъ сентенцію: не разсуждая, что одной наукѣ хорошо научиться, въ силу довлѣетъ цѣлый вѣкъ человѣческой.

Ни о коей же наукѣ чаще и отважнѣе не судятъ, какъ о той, кая дѣлаетъ блаженнымъ человѣка. За тѣмъ думаю, что всякому сіе нужно, такъ будто всякому и учить должно.

Правда, что говорить и испытывать, похвально; но усыновлять себѣ вѣдѣніе: сіе дурно и погибельно.

Однакожь, думаютъ, что всякому легко сіе знать можно.

Не диковина дорогу сыскать; но никто не хочетъ искать. Всякъ своимъ путемъ бредеть

и другаго ведеть. Въ семь - то и трудность ! Проповѣдуетъ о щастіи Историкъ , благовѣститъ Химикъ , возвѣщаетъ путь щастія Физикъ , Логикъ , Грамматикъ , Землемѣръ , Воинъ , откупщикъ , часовщикъ , знатный и подлый , богатъ и убогъ , живой и мертвый. . . Всѣ на сѣдалищѣ учителей сѣли : каждый себѣ науку сію усвоилъ !

Но ихъ ли дѣло учить , судить , знать о блаженствѣ ? Сіе слово есть Апостоловъ , Пророковъ , Священниковъ , Богомудрыхъ Проповѣдниковъ и Просвѣщенныхъ Христіанскихъ Учителей , коихъ никогда общество не лишается.

Развѣ не довольно для ихъ , неба и земли совсѣмъ потрохомъ ?

Сія должность есть тѣхъ , коимъ сказано : « Миръ Мой оставляю вамъ. » Одинъ со всѣхъ тварей человѣкъ остался для духовныхъ. Да и въ семь самомъ портной взялъ одежду , сапожникъ сапоги , врачъ тѣло. Одинъ только владѣтель тѣла человѣческаго остался для Апостоловъ :

„Онъ есть сердце человѣческое.“

Знаешь ли , сколько огнедышущихъ горъ по всему шару земному ? Сія правда пускай

тебе обогатить ; пускай поставитъ въ списокъ Почетныхъ людей — не спорю ; но не ублажитъ сердца твоего. — Сія правда не та, о коей Соломонъ :

„Правда мужей права избавитъ ихъ...“

Твоя правда на шаръ земномъ ; но Апостольская правда внутрь насъ, какъ написано :

„Царствіе Божіе внутрь васъ есть.“

Иное дѣло знать вершины рѣки Нила, и планъ Лабиринта; а другое: разумѣть исту щастія? Не вдругъ ты попалъ въ Царство мира, когда узналъ, кто насадилъ городъ Аѳинейской? И не тое сердце есть несмысленною и непросвѣщенною тварью, что не разумѣетъ, гдѣ великое, а гдѣ средиземное море! Но душа не чувствующая Господа своего, есть чучела, чувства лишена.

Море отъ насъ далече : а Господь нашъ внутрь насъ есть, въ сердцѣ нашемъ. Если, кто странствуетъ по планетамъ, бродитъ вѣкъ свой по исторіямъ : какъ можетъ знать, что дѣлается въ сердцѣ? И кое-то есть веселіе, о которомъ написано :

„Веселіе сердца, животъ чловѣку...“

Пускай бы каждый художникъ свое дѣло зналъ. Больныя не могутъ въ пищу чувствовать вкусу : сіе дѣло есть здоровыхъ. Такъ о мирѣ судить однимъ тѣмъ свойственно , коихъ душа миромъ улаженная.

Щастіе наше , есть миръ душевный. Но сей миръ ни къ коему-либо веществу не причтается. Онъ ни золото , ни серебро , ни дерево , ни огонь , ни вода , ни звѣзды , ни планеты. Кая жь приличность учить о мирѣ тѣмъ , коимъ вещественный сей миръ предметомъ? Иное садъ разводить : иное плетень дѣлать. Иное краски тереть : иное разумѣть рисунокъ. Иное дѣло выльпить тѣло : иное водхнуть въ душу веселіе сердца. Вотъ чіе дѣло сіе есть ! «Коль красны ноги благовъствующихъ. . . Симъ - то обѣщано:» Сядете на престолѣхъ. . . Всѣмъ блаженство. Всѣмъ миръ нуженъ; для того сказано: «Судяще обоимъ — надесяте колѣномъ Израилевымъ. Вотъ кто долженъ на учительскихъ стульяхъ учить о мирѣ ! И сія-то есть Кафоллическая , то есть всеобщая наука: чего ни о какой другой сказать не лзя.

Всѣ прочія науки не всѣмъ , и не всегда , и не на все , и не вездѣ нужны : и о всѣхъ ихъ говоритъ Исаіа: «Пути мирнаго не познаша , и нѣсть суда въ путехъ ихъ : стези бо

ихъ развращенны, по нихъ же ходять, и не вѣ-
 дять мира. Того ради отступи отъ нихъ судъ,
 и не постигнетъ ихъ правда: ждущимъ имъ
 свѣта, бысть имъ тьма: ждуще зарю, во мрацѣ
 ходиша. Осяжутъ, яко слѣпыи стѣну, и яко су-
 ще безъ очесъ, осязати будутъ, и падутся въ
 полудне, яко въ полунощи, яко умирающе, воз-
 стекуть. . . Правда, что сіе нещастіе владѣеть
 сердцами, населенными невѣдніемъ о Бозѣ; но
 о семъ же то и рѣчь: что учить о мирѣ и ща-
 стіи, есть дѣло однихъ Богопроповѣдниковъ.
 Учить о Бозѣ, есть-то учить о мирѣ, щастіи и
 премудрости. Они всю тлѣнь оставивъ, искали
 и сыскали того, у кого все вещество есть кра-
 скою, оплотомъ и тѣнью, закрывающею рай ве-
 селія и мира нашего. Но прежде усмотрѣли
 внутрь себѣ. «Се вся оставихомъ. . . Изъ сихъ
 числа Исаіа говоритъ: «Слышахъ гласъ Госпо-
 да глаголюща: кого послю? И кто поидеть къ
 людемъ симъ? И рекохъ: Се азъ есмь: Посли
 мя. И рече: иди и рцы людемъ симъ. . . И не
 дивно, что училъ о мирѣ, когда Христось,
 миръ нашъ, былъ съ нимъ. «Отроча (воцѣтъ,
 какъ веселящійся въ жатву) родися намъ,
 сынъ, и дадеся намъ. Имя его, велика совѣта
 Ангель. Чуденъ Совѣтникъ. Богъ крѣпкій Вла-
 стелинъ, Князь мира. Отецъ будущаго вѣка.

Приведу бо въ миръ на Князи , миръ и здравіе ему (у его).

Видите, чіе дѣло учить о мирѣ? Да учать тѣ, кои познали того челоуѣка, у котораго миръ и здравіе. Вотъ учить о щастіи Варухъ: Слыши Израилю , заповѣди живота внуши разумѣти смышленіе , что есть Израилю? Что , яко еси на земли вражіи? Обетшалъ еси на земли чуждей , осквернилъ еси съ мертвыми , вмѣнилъ еси съ сущими во Адѣ , оставилъ еси источника премудрости. Аще бы путемъ Божіимъ ходилъ еси, жилъ бы въ мирѣ, во время вѣчное.

Научися , гдѣ есть смышленіе , гдѣ есть крѣпость, гдѣ есть мудрость? Ежели бы разумѣти купно , гдѣ есть долгожитіе и жизнь , гдѣ есть свѣтъ очесъ и миръ? . . . Видите, что въ познаніи Божіи живетъ жизнь и свѣтъ и долгожитіе и миръ и крѣпость и премудрость. Пускай же учать о щастіи тѣ , что говорятъ съ Варухомъ : Блаженны есмы Израилю , яко угодная Богу : намъ разумна суть. Не видѣтъ Господа, есть лишитисъ жизни, свѣта , мира и спдѣтъ во адѣ. Внемлите словамъ Іереміинымъ: Слышите и внемлите, и возноситеся, яко Господь глаголаъ есть. Дадите Господу Богу ва-

шему славу, прежде даже не смеркнется, и прежде даже не преткнутся нозѣ ваши къ горамъ темнымъ: и пождете свѣтъ, и тамо сѣнь смертная, и положены будутъ во мракъ. Аще же не послушаете въ тайнѣ восплачется душа ваша отъ лица гордыни, и плача восплачетъ, и изведутъ очи ваши слезы.

Вотъ Мойсей учитъ о щастіи: Аще не послушаете творити вся словеса закона сего, написанная въ книзѣ сей, еже боитися имени честнаго и чуднаго сего, Господа Бога твоего. И удивитъ Господь язвы твоя, и язвы сѣмене твоего. Язвы великія и дивныя, и болѣзни злыя и извѣстныя. (Не много пониже). «И дастъ тебѣ Господь тамо сердце печальное, и оскудѣвающіе очеса, и истаевающую душу. И будетъ животъ твой висящъ предъ очами твоима, и убоишися во дни и въ нощи, и не будеши вѣры яти житію твоему. .» Вотъ, пропоѣдуетъ Соломонъ, о блаженствѣ: «Въ страхъ Господни упованіе крѣпости, чадомъ же своимъ оставитъ утверждене міра. Страхъ Господень источникъ жизни, творитъ же уклонитися отъ сѣти смертныя. Благословеніе Господне на главѣ праведнаго: сіе обогащаетъ, и неимать приложитися ему печаль въ сердцѣ. Благословеніе, благополучіе и благоразуміе, все одно

значить; если ражжевать сіп Еллинскіи слова: *Ἐυλοτεῖν, ευδαιμονεῖν*. Вотъ благовѣститъ Павелъ Христа, Божію силу и Божію премудрость: Оружія воинства нашего не плотская; но сильна Богомъ, на разореніе твердемъ: помышленія низлагающе, и всякое возношеніе взымающеся на Разумъ Божій, и плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христова.

Павель мечемъ премудрости закаляетъ мысли, возрастающія въ сердцѣ противу Бога, чтобъ покорить всѣ наши помышленія затвердѣлыя Божію Вѣдѣнію и Разуму, и симъ насъ просвѣтитъ. И сіе-то значитъ изгнать бѣсы. Бѣсъ, по Еллинскому *Δαιμονιον*, значитъ вѣдѣнійцо, знанійцо, подлое помышленійцо, стихійное разумнѣійцо, долу ползущее, не прозирающее въ Божіе стихій исполняющее исполненіе. Сіе есть родное идолочтеніе! Невидѣтъ въ мірѣ ничего, кромѣ стихій: сіе есть начало всякаго зла, и вина и конецъ, какъ сказуетъ Соломонъ. Знать-то всемучительнѣйшій страхъ тревожитъ сердце, въ стихіяхъ лежащее, видящее оныя всеминутно премѣняемыя и разоряемыя: взирающее вдругъ и на составъ своего пепельнаго телишка, тому жъ паденію подверженнаго: но никоей помощи сему злу не находящее. «Ничто же бо есть страхъ» тотъ же сынъ

Давидовъ, говоритъ, «токмо лишеніе помощей, сущихъ отъ помышленія.» Въ такомъ сердцѣ тѣмъ менѣе пищи отъ сладкой и твердой надежды, чемъ большее невѣдѣніе вины, муку наводящей. Совѣтъ истинный и правос промышленіе, есть источникомъ отрады, и напротивъ того ничто несчастіе не язвить и не мучить сердечной нашей точки, какъ темныя мнѣнія, слѣпыя знанія и бѣснующійся разумѣнія. Теперь видно, что значить сіе Соломъ. «Въ совѣтѣхъ нечестиваго истязаніе будетъ.»

„Уста лжущая убиваетъ душу.“

„А може обратится нечестивый исчезаетъ.“

„Правда безсмертна есть: не правда же смерти снабдѣніе. Нечестивыи же рукама и словеса призваша ю: другиню вмѣниша ю и истаяша, и завѣтъ положиша съ нею: яко достойны суть оная частая быти. . .“

Разорить и умертвить сердце свое, есть единственное и родное злополучіе. Сіе сокрушеніе и смерть сердечная зависитъ отъ безпутныхъ мыслей, ничево кромѣ стихій не видящихъ. Оно со входу прелестно: «Сладокъ есть челоуку хлѣбъ лжи, но потомъ исполнятся уста его каменія, Сіи помышленія назы-

ваеть сынъ Сираховъ языкомъ злѣйшимъ :
 «Смерть люта, смерть его, и паче его лучше
 есть Адъ. Не обладаетъ благовѣрными, и въ
 пламени его не сгорятъ. Оставляющіи Господа
 впадутся въ оны, и въ нихъ возгорится, и
 не угаснетъ. Посланъ будетъ на ня, яко Левъ,
 и яко Пардъ погубить я.

Они называются блудницею, мечемъ, ехид-
 ною, дикими звѣрьми, шершнями. . . Да и чемъ
 назовешъ невидимое зло и безыменное? О та-
 ковыхъ сердцахъ сказано: «Людіе сидящіи во
 тмѣ. . . Сіи совѣты мечемъ Божиимъ вырѣзать,
 не чисто дышущіи мысли и мучительныи мнѣ-
 нія, труждается Павель: а на то мѣсто возвра-
 тить въ сердца наши миръ Божій. Совѣтъ ча-
 сто началомъ именуется: потому, что какъ
 плодъ безъ сѣменъ, такъ дѣла безъ совѣтовъ
 не родятся. У Давида именуются мысли начи-
 наніями.

„Растлища и омерзишася въ начи-
 наніи. . . .

„Рече безуменъ въ сердце своемъ. . .

У Моисея жь они называются сѣменемъ
 змѣинымъ.

„Вражду положу. . .

Сія казнь родилась изъ роптанія на Бога. А роптать не иное что, какъ не разумѣть и не признавать Господа, довольствуясь стихіями. Какъ, (говорять ропотники) какъ быть можетъ тое, чего ощупать не лзя? Теперь видно что значить тьма Египетская. Тьма осязающая. Сія есть ночь страшнѣйшая, ужасовъ и провидѣній исполненна: невѣдніе и грубѣйшее и лютѣйшее. Взгляньте на 17 ю Гл. Премуд. Солом.

О сихъ смертныхъ мысляхъ и въ книгѣ Іова :

„Желчь Аспидовъ и въ чревѣ его. —
„Ярость змїеву да ссетъ, да убїетъ его
языкъ змїинъ.

А что сіе все до стихійныхъ мыслей надлежитъ, слушай Михеа: «Полижутъ персть, яко змїеве, плѣжуще по земль, смятутся во облеженіе своемъ о Господь Бозь нашемъ: ужаснутся и убоятся отъ тебѣ. Сихъ-то проклинаетъ рай и блаженство наше Господь: «Яко сотворилъ еси сіе, проклять ты паче всѣхъ скотовъ, и паче всѣхъ звѣрей земныхъ. . . О сихъ змїяхъ Давидъ: «Языкъ ихъ преїде по земли. «Изостриша языкъ свой яко змїинъ.» Что хвалишися во злобѣ сильне. . . ?

Сіе нещастіе смертоноснымъ жаломъ сердца человѣческаго, дабы не умерщвляло: велитъ Господь Моисею сдѣлать мѣдную змію, чтобъ была она маякомъ отводящимъ, отъ злополучнаго, пути безбожнаго, и указывающимъ благодатный ходъ въ познаніе Божіе, въ рай сладости, въ царство мира и любви.

Когда змій, ползущій по травѣ, выманиваетъ сердца наши изъ блаженнаго сада: то пускай и возвратитъ змій; но уже вознесенный отъ земли.

Сей уже змій не такъ, какъ въ Даниіловой книгѣ идоль Виль.

Сей напротивъ того снаружи прахъ; но внутри твердая мѣдь, и сила живаго Бога, плотскимъ пріодѣтая прахомъ.

Сій змій, воплощенная есть Премудрость Божія, бесѣдующая нашими словами; но ведущая отъ земли на небо: да избавитъ насъ отъ ползущихъ змievъ. Къ ней Михеа говоритъ: «Возстани и измлати ихъ, дщи Сіона.

«Яко роги твоя положу желѣзны, и пазнокти твоя положу мѣдны, и сотреси люди многи.

Сей змій есть Христось, Слово Божіе, Священная Библиа.

„Азь есмь, (вопіеть) Свѣтъ миру. . .
 „Азь есмь Пастырь добрый. . . „Той
 согреть. . .

Если имѣешь уши, послушай, какъ чудно сей змій свиститъ.

„Плоть ничто же. . .

Что слаже сей благой вѣсти, сердцу Христіанскому? О сего-то змія благовѣстїи, Приточникъ даетъ знать :

„Страшное Слово сердце мужа праведна смущаетъ, вѣсть же благая веселитъ его.

Сей есть столпъ облачный, изводяцій Израїля изъ осязающей тьмы, въ нетлѣніе Вѣчнаго. Сей лежитъ на паденіе и на востаніе. Сей змій съ Преподобнымъ будетъ Преподобный, говоря къ намъ :

„Сыне, аще премудро будетъ сердце твое : возвеселиши и мое сердце.

Таковъ одинъ вознесетъ змія, какъ написано :

„Змїя возмутъ . . . (вознесутъ).

Презирать мудрыхъ совѣты значитъ: самому себѣ зажигать факаль, для безпреткно-

веннаго путешествія. Нѣтъ важнѣе, сирѣчь полезнѣе и величественнѣе : какъ узнать самага себѣ и , слышать въ нашемъ пепелѣ погребенную искру блаженства? Отсюда раждается благословенное опое Царство, владѣть собою могли: и на стремленіяхъ душевныхъ, всѣхъ тигровъ лютѣйшихъ, какъ на везущихъ колесницу львахъ ѣхать.

Всѣхъ наукъ сѣмена внутри человѣка сокрываются. Тутъ ихъ источникъ утаенъ, и кто видитъ его? Сей есть одинъ родникъ неисчерпаемый всему благу и блаженству нашему.

Посему и вѣчна, всегда и по всему одна, и одинакая : разлившаяся и содержащая. Сія высочайшая вина именуется Богъ. Свойственнаго имени ей нѣтъ.

Сіе блаженство премудрыхъ людей уже въ древнѣйшихъ вѣкахъ нашли, и наслаждаясь онымъ, и намъ завѣтомъ своимъ неоцѣненное Тое сокровище оставили въ наслѣдіе.

Завѣтъ тотъ суть книги ихъ и ворота къ щастію.

„Премудрость и мысль блага во вратѣхъ премудрыхъ.

„У вратъ сильныхъ присѣдигь, во вратѣхъ же града дерзаючи глаголетъ. . .

„Мудрыя жены создаша дома. О сихъ-то книгахъ пишется :

„Страшно мѣсто сіе: нѣсть се; но Домъ Божій и сія Врата Небесная. . .

„Яждь медь, Сыне, благъ бо есть, да насладится гортань твой. Сице уразумѣши Премудрость душею твоею. Аще бо обрящещи (оную), будетъ добра кончина твоя и упованіе тебѣ не оставитъ.

„Сія книга повелѣній Божіихъ, и законъ сый во вѣкъ. Все держащійся ея, въ животъ внідутъ: оставившіи же ю, умрутъ.

Въ сихъ, премудростію созданныхъ, домахъ Блаженный Лотъ пируетъ и упивается со дочерьми своими. Въ сихъ упився и Ное. Тамъ пируютъ и братія съ Іосифомъ :

„Пиша же и упишася съ нимъ.“

Не тое они вино пили, что пьютъ у Приточника беззаконники: «Тии питаются пищею нечестія: виномъ же законопреступнымъ упиваются. Но вино веселящее сердце. Видите, въ коихъ книгахъ искать должно веселія, и чіе дѣло учить о немъ.

Сіе вино пьетъ Небесный Учитель въ Царствіи Отца своего, съ тѣми, о коихъ сказуетъ: «Соглядавъ окрестъ себѣ сѣдящія. Глагола: Се мати моя, и братія моя. . .

Сіе вино есть отъ стола високаго : «Упійются отъ тука дому Тв.

Отъ сего стола вкушаетъ и Павелъ. «Имамы Олтарь. . . Познанія сладчайшей истины Божіей , подобное вину веселящему. Съ сими то жь дѣлается, что съ нѣкимъ древнимъ мудрецомъ. Сей любитель истины и ревностный мудрости истецъ , отъ младыхъ ногтей многи лѣта, между прочимъ, желалъ знать: кій разумъ и тайна закрывается въ Образъ трое-угольника, который и нынѣ пишется въ Христіанскихъ храмахъ: а изъ нутра его, или око смотритъ, или солнечныи лучи льются. Наконецъ, сокровенная сила вкругъ, какъ молнія, озарила душу его. Вскочилъ Пифагоръ, началъ руками плескать, и кричать : сыскаль ! сыскаль ! сыскаль ! Скажите мнѣ , кто бь не почелъ пьянымъ, взирая на его? Скакаль и Давидъ играя на органы. Несуть и везуть за нимъ Кивоть съ завѣтомъ Господа силъ , въ замокъ его Сіонь : а Давидъ предъ нимъ пляшетъ. Конечно онъ спился , или отъ меланхоліи съ ума сошелъ? Говоритъ : смотри въ окошко Мелхола, дочь Саулова. А Давидъ на ея руганія не смотря , что желалъ совершить , поднесъ Господу жертву всесожженія , и жертву мира. Праздникъ радости и веселія ! Наконецъ и послѣдо-

вавшихъ ему Израильтянъ подѣлалъ щастливыми, открывъ имъ Господа силъ. «А у Мелхо-лы, дочери Саула, не бысть дѣтища до дне смерти ея. 2 Царст. Гл. 6.

Многи и нынѣ всякой день цѣлуютъ Евангеліе, и почти спяты на семь камени съ Иаковомъ. Но вѣрую и разумью, что тайная Воскресенія сила, подъ каменными скрыжалами сокровенная, какъ Моисеево изъ горящей купины, такъ и Давидово сердце облистало и напечатлѣлася внутрь его.

Такъ и Авраамъ увидѣлъ день Господень и возрадовался.

Сіе есмь Давидъ доказуетъ сими словами: «Знаменася (напечатлѣся) на насъ свѣтъ лица Твоего. . . Иное дѣло видѣть камень съ буквами, и бумагу съ чернилами внѣшнимъ окомъ; а другое, взирать тѣмъ взоромъ: «Возведите очи ваши; и слышать тѣми ушами: «Имѣйи уши слышати, да слышитъ: и могли сказать съ Павломъ: «Написано не черниломъ; но Духомъ Бога жива, на скрыжалѣхъ сердца плотныхъ.

Краски на картинѣ всякъ видитъ; но чтобъ рисунокъ и живость усмотрѣть, требуется другое око: и не имѣйи оное, слѣпъ въ живописи. Скрышь музыкальнаго оружія, каждое ухо слышитъ; но чтобъ чувствовать вкусъ ута-

еннаго въ скрыпѣннн согласія, должно имѣть тайное понятія ухо. А лишенный онаго, для того лишень движущій сердце радости, что имѣть въ музыкѣ. Въ самую пламенѣющую усердіемъ, душу, не скоро входитъ сіяніе славы Божіей. «Внегда прїити времени явишися. Блаженное сіе время на многихъ мѣстахъ назначено у Исаиц:» Тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ; тогда скачатъ хромыи, яко Елень, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ.

„Собранныи Господемъ обратятся, и прїидутъ въ Сіонъ съ радостію, и радость вѣчная надъ главою ихъ.

„Тогда волки и Агнцы имутъ пастися вкупѣ.

„Свѣтися, Свѣтися, Іерусалимѣ. . .

Сей-то свѣтъ снизшедшій, сдѣлалъ, схожими на пьяныхъ Апостоловъ.

„Ини же ругающесе глаголаху, яко виномъ исполнены суть.

Кричитъ Петръ, и защищаетъ ихъ. Но можно ль увѣрить застарѣлое въ душахъ повѣрье? А — иногда и злобное?

Пьяны отъ радости: что уразумѣли тое, чего, все оставивъ, искали. Увидѣли съ Дави-

домъ Знаменіе, и образовъ событіе. Чудеса на Небеси и на земль прозрѣли. Стали собирать манну.

Манна значитъ чудо, то есть, что-то такое? «И се на лицѣ пустыни мѣлко, яко Коріандръ, бѣло, аки ледъ на земль! Узрѣвши же то Сынове Израилевы, рѣша другъ ко другу: манна? Спрѣчь: что есть сіе? Невѣдяху бо, что бѣше? Рече же Моисей къ нимъ: сей хлѣбъ, его же завѣща Господь. Несказанно радостны, что презрѣли Новое, начали прорицать новое Новыми языки.

Сіе-то есть быть Пророкомъ, или Философомъ, прозрѣть сверхъ пустыни, сверхъ стіхійной бравзи, нѣчтось Новое, не старѣющееся, чудное и вѣчное, и сіе возвращать.

„Всякъ иже аще призоветъ Имя Господне спасется.

Спасеніемъ душъ есть, основательная радость, и твердая надежда. Дышутъ таковымъ же пьянствомъ и сіи Павловы словеса: «Кто ны разлучитъ отъ любви Божія?» Но во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ, за возлюбльшаго насъ! Видите, сколь сильно въ семъ мужѣ вкоренилась радость, что всѣ горести его приуслаждаетъ.

Ни что ему не страшно: веселье и въ темницѣ!
Сей есть истинный миръ!

Какъ здравіе, селеніе свое имѣеть не внѣ;
но внутри тѣла: такъ миръ и щастіе въ самой
среднѣйшей точкѣ души нашей обитаетъ. И
есть здравье ея, а наше блаженство.

Здравіе тѣла не иное что есть, какъ миръ
тѣлесный; а миръ сердечный есть живность и
здоровье души. И какъ здравье раждается, по-
слѣ очищенія, изъ тѣла вредной и лишней мо-
кроты, матери всѣхъ болѣзней: такъ и сердце,
очищаемое отъ подмыхъ мірскихъ мнѣній, без-
покоящихъ душу: начинаетъ прозирать сокро-
венное внутри себѣ сокровище щастія своего;
чувствуя, будто послѣ болѣзни, желаніе пищи
своей — желаніе подобное нашему орѣху, зер-
но жизни своей въ пустомъ молочкѣ зачинаю-
щему.

Сихъ-то начинающихъ себѣ познавать,
призываетъ премудрость Божія въ домъ свой
на угощеніе, чрезъ служителей:

„Прийдите ядите мой хлѣбъ и пійте
вино. . .

Въ сію гостиницу и Пациентъ Іерихон-
скій привозится Самаряниномъ. Зоветъ и всѣхъ
сердце свое потерявшихъ: «приступите ко мнѣ

погубльшии сердце, сущи далече отъ правды! Прийдите ко мнѣ всѣ труждающіися. . .

А кто есть тотъ врачъ, если не Сей: «исцѣляя всякъ недугъ и всяку язву въ людѣхъ? Но что исцѣлялъ? «Исцѣляя сокрушенныя сердцемъ. . ! Если кто сердцемъ болитъ, если мыслями недуженъ, тогда точно самъ человекъ страждетъ. Не тѣло; но душа есть человекъ. Не корка; но зерно есть орѣхомъ. Если цѣло зерно: сохранится и корочка въ зернѣ. Кто прозритъ сіе и повѣритъ? «Очисти прежде внутренность скляницъ и блюда, да будетъ и внѣшнее ихъ чисто. Исцѣли прежде сердечное сокрушеніе: не бойся отъ убивающихъ тѣло! Иное тѣлесное здоровье, другое дѣло веселіе и живость сердца!

Садомъ оплота лишеннымъ, есть несчастливая душа: щастіе свое на пѣску Стихійномъ основавшая и, увѣрившая себя, что можно добро свое сыскать внѣ Бога. Начало премудрости, страхъ Божій! Онъ первѣе усматриваетъ щастіе свое внутрь себя. Сіе блаженное утро внутрь сердца свѣтатъ начинается, ведущее за собою ведро пресвѣтлаго и вѣчнаго міра. И если бы оно было тлѣнію подвержено, то могло ли бы родить вѣчный міръ? Можетъ ли душа незыблемое имѣть упованіе на то, что

третьяго дни сокрушится? Не вся ли таковая пѣсочная надежда, есть мать душевнаго сокрушенія? И какъ можетъ твердо устоять сердце, видя все стихійное до послѣдней крошки разоряемое: а прозрѣть за слѣпотою не можетъ тое, на чемъ благонадежно можно опереться? Сія благонадежная надежда зовется у Павла Якоромъ. Посему видно, что все свѣцкое добро, нѣсть добро. Оно сокрушается даже до самаго здравія тѣлеснаго, и успокоить сердца не можетъ.

Поколь душа не почувствуетъ вкусу не-тлѣннѣя, потоль не вкусить она твердаго мира, и — есть мертва.

Коль многое множество читають Библию! Но безъ пользы! Сей домъ Божій запертъ и запечатанъ!

Духъ страха Божіа и духъ разума, входѣ отверзаеть.

Безъ сего ключа всякъ поропщеть, взал-четъ и обойдетъ Градъ сей.

Многиі приходятъ къ нему съ любопытнымъ духомъ: инии съ половиною души, инии съ Іудинимъ сердцемъ; но безъ пользы: «окрестъ нечестивіи ходять! Инии преклоняють ея къ защищенію своихъ плотоугодій, и со

строптивымъ развращаются во вредъ; выводятъ пророчество о временной пользѣ, о дочастныхъ вракахъ, о тѣнныхъ предметахъ; «но окрестъ нечестивыи ходять! Коль мало истинныхъ рачителей, вѣрныхъ искателей и снаряженныхъ чтецовъ: жалуется о семъ Іеремія: «кому возглаголю, и кому засвидѣтельствую и услышитъ? Се необрѣзанная ушеса ихъ, и слышати не возмогутъ? Се слово Господне бысть у нихъ въ поношеніе и невоспріимуть? «Библиа есть совершеннѣйшій и хитрѣйшій органъ. Какъ стрѣла магнитная въ одну Сѣверную точку устремляетъ взоръ свой: такъ и сія къ одному взираетъ и ведеть Тому» Востокъ имя Ему!

Сія есть стрѣла спасенія Господня, какъ говоритъ Елисей, пособляя собственными своими руками натягти лукъ: и выстрѣлить стрѣлу на непріятелей, наложивъ руки свои на руки Царя Іоаса. 4 Царств. Гл. 13.

Если языкъ разить, для чего не назвать его стрѣлою?

Библиа есть слово Божіе и языкъ огненный.

Исаія въ лицѣ ея говоритъ: «сія стрѣла отъ вышняго намъ послана, для враговъ.»

Слова Богопроповѣдниковъ суть стрѣлы ; о коихъ Исаіа : «ихъ же стрѣлы остры суть , и луцы ихъ напряженны : копыта коней ихъ , яко твердъ камень вмѣнишася . Колеса колесницъ ихъ , яко буря , ярятся яко львы !»

Вотъ одинъ изъ сихъ воиновъ ! «Оружія воинства нашего не плотская ; но сильна Богомъ . . . !»

Но какъ напрягать сію стрѣлу ? Должно уметь , и имѣть въ себѣ Того : «Научай руцѣ мои на ополченіе .»

Сію-то стрѣлу сыскали въ колчанѣ Апостолы : — языкъ огненный !

А какъ стрѣла сія парящая взираетъ къ одному точію Востоку : такъ и сей органъ , одному Богу пѣснь спѣваетъ . Очень вздорно , дурно разногласить , и самъ свое мѣшаетъ сличное согласіе : если стать играть на немъ для плоти и крови . Играетъ и скачетъ Давидъ ; но предъ Господемъ , то есть : ради Господа ; такъ , какъ и Мелхолъ говоритъ : «Благословенъ Господь , иже избра мя паче Отца Твоего . . . Буду играти и плясати предъ Господемъ ! Поощ-

ряеть и другихъ :» Воспойте ! Но Господеви ! Сей — де , одинъ только блажь Псаломъ есть.

Нѣтъ сладостнѣе и дѣйствительнѣе , какъ бренчать на немъ Богу, а не стихіамъ; Господу: а не миру; не тлени: но вѣчности. Тогда-то дѣйствительно изгонятся бѣсы изъ Сауловъ. При томъ надобно умѣть слычать голоса , звучающія въ духовное ухо сладкую Симфонію.

При свидѣтельствѣ двоихъ или троихъ голосовъ, твердый Псаломъ составляется. Напримерь: «Почитай врача, противу потребъ чести его: яко Господь созда Его! — Вотъ! Кого бѣ не Господь созда? — Тотъ чась и вздоръ! — Для чего жъ Царь Иудинъ Аса осуждается ради Лъкарей?» И ниже въ немощи своей, взыска Господа, но врачей. Смотрите, какъ дурно сей органъ разногласитъ по чловѣку! Не спорю : да и самъ я радъ почитать тѣлеснаго врача. При томъ говорю, что Библія весьма есть дурною и не сложною дудою, если ея обращаемъ къ нашимъ плотскимъ дѣламъ. Бодущій терновникъ, горькая и не вкусная вода. Дурачество, если съ Павломъ сказать. . .

У Исаія стрѣла избранныя въ туль своемъ сокрытая :

Не сіе ли есть таинство, утверждающаго сердца намъ Слова Божія, грязью земныхъ дѣлъ нашихъ обвитое? Тѣ только одни изъ зміиныхъ угрызеній исцѣлялись, кои на вознесеннаго змія въ гору взирали: не тѣ, что смотрѣли на ползущаго по землею прахъ.

Такъ и здѣсь питаются, во время глада, пшеницею Іосифовою, приступающіи къ столу, и наслаждающіеся высокими умы:

„Окрестъ нечестивый. . .“

Тамъ проклинается змія ползущій и ядущій грязь: и у Іезекіиля на гное-ядцовъ вотъ что Богъ сказуетъ: «Да скудны будутъ хлѣбомъ и водою, и погибнетъ человекъ и братъ его, и истають въ неправдахъ своихъ.

Для чего мы находимъ тамъ нашу грязь и гной: и ядимъ оной: когда все сіе Богу и Божественному Его слову единственно посвящено? Конечно мы не узнали себя. Если жъ скажете, что оно жестоко и трудно читать и разумѣть: сіе вамъ Богъ прощаетъ. Одно то не простительное, что мы похожи на умницу бабу. Сія разумница изволила кушать горчайшую около орѣха волоскаго корку. Наконецъ, осердившись, начала ругать и смѣяться: кои

лишившись добраго вкуса, похваляютъ иностранныя плоды?

„Почитай врача. . . Яко Господь создалъ Его:

Но дабы не приснились намъ наши тѣлесныя врачеванія: для того, тамъ же всплошь, говорится сіе: «Не отъ древа ли осладилъ вода, да познана будетъ сила Его? Лѣкарствамъ плотнымъ кое есть сходство съ тѣмъ Богопоказаннымъ древомъ, коимъ Моисей воду горькую осладилъ?»

Вотъ Лѣкаръ кричитъ! Послушайте: Премудрость въ Притчахъ! Господь созда мя начало путей своихъ. Слушай лѣчбу: «Сыне да не преминиши! Соблуди же мой совѣтъ и мысль: да жива будетъ душа твоя, и благодать будетъ на твоей выш: будетъ же исцѣленіе (приложеніе) плотемъ твоимъ, и уврачеваніе костемъ твоимъ: да ходиши надѣясь въ миръ во всѣхъ путехъ твоихъ. . .

Видите, что лѣчитъ сей врачъ? Душу болѣзненную. Миръ мой даю вамъ:» Вы друзе мои есте. . .

Сего-то добраго друга толь высоко рекомендуетъ сынъ Сираховъ: «Другъ вѣренъ, по-

кровь крѣпокъ есть. Обрѣтый же его ; обрѣте сокровище. Другу върну нѣсть измѣны , и нѣсть мѣрила добротѣ его. Другъ върень, врачеваніе житію, и боящійся Господа, обрящутъ Его. Теперь же скажу ! почитайте Библию , вразсужденіи надобностей ея. Она есть Аптека, Божією премудростію пріобрѣтенная , для уврачеванія душевнаго мира , ни однимъ земнымъ лѣкарствомъ неисцѣляемаго.

Въ сей-то Аптеку Павель роетъ, копаеть, силою древа крестнаго вооружень , и убивая всю мертвую гниль и гной : вынимаетъ и сообщаетъ намъ самое чистое , новое , благоуханное , Божіе , нетлѣнное , вѣчное : проповѣдуя Христа, Божію силу.

Церемонцы сердятся , а Аѳинейцы смѣются. Намъ же гонимымъ Христось есть , Божія сила , и Божія премудрость.

Если жь спрашуете , для чего сіи книги , одно пишуть на лицо , а другое тайное и новое изъ нихъ выходитъ ? А кто жь свѣтъ на нивѣ сѣно будущее ? Да и можно ль ? Пахарь свѣтъ зерно нынѣшнее. Оно принятое въ нѣдро земное, разопрѣтъ и сослѣтъ. Въ той день выходитъ изъ него плодъ новый съ новымъ зерномъ. А къ сему кругъ годоваго времени надобенъ.

Скажите, возможно ли на молодомъ сердцѣ вырастить плодъ вѣдѣнія Божія, и познанія (сіе обое съ собою не разлучное) самого себя? Къ сему кругу цѣлаго человѣческаго вѣка потребенъ.

Библиа есть человѣкъ домовитъ, уготовавшій сѣмена въ закромахъ своихъ. О семъ-то хозяинъ пишетъ: «изыйде сѣяи сѣяти! Она въ молодыхъ наши мысли насѣваетъ сѣмя нынѣшняго плотскаго нашего вѣка: дабы несмысленное наше сердце способно принять могло. Сіе сѣмя не пустое; но утаеваетъ въ себя Божию силу.

Оно, какъ не потребное, со временемъ портится въ сердцѣ и гибнетъ: а новое прозябаетъ. Сѣется гниющее, востаетъ благовонное: сѣется жестокое, востаетъ нѣжное: сѣется горькое, востаетъ сладкое: сѣется стихійное, востаетъ Божіе: сѣется несмысленное и глупое, воскреснетъ премудрое и прозорливое! Все что только мы имѣемъ, есть тожь и у Бога! Въ семъ только разнь, что наша гниль и стѣнь; а его нетлѣніе и истина!

Древній мудрецъ Идидъ умирая, оставляетъ младолѣтному сынышкѣ въ наслѣдіе Историю, именемъ Сфинксъ. «Любезный сынъ! Вотъ тебѣ, самое лучшее по мнѣ, наслѣдіе!

Прими малую сію книжечку отъ десницы моей. Люби ея, если любить хочешь твоего отца? Мене почтешь, почитая оную. Носи ея съ собою и имѣй въ сердцѣ своемъ лѣгая и востая. Она тебѣ плодъ принять то жъ что и мнѣ. Разумѣй блаженный конецъ жизни твоей: не будь наглъ и безсовѣстенъ, ступай тихонько.

Жизнь есть путь опасный. Прибучай себя малымъ быть доволенъ. Не подражай расточающимъ сердце свое по наружностямъ. Учись собирать расточеніе мыслей твоихъ, и обращать ихъ внутрь тебѣ. Щастіе твое внутрь тебѣ есть! Тутъ центръ его зарыть. Узнавъ себя, все познаешь; не узнавъ себя, во тьмѣ ходить будешь, и убоишися страха, гдѣ его не бывало. Узнать себя полно, познаться и задружить съ собою, сей есть неотъемлемый миръ, истинное щастіе, и мудрость совершенная. Ахъ, когда бъ могъ я напечатлѣть теперь на сердцѣ твоємъ познаніе самого себя. . . ! Но сей свѣтъ озаряетъ въ поздній вѣкъ, если кто щастливъ. . . Будь добръ ко всемъ. Не обидишь и врага своего, если хоть мало узнать себя потщиши. Но прозираю природу твою и радуюсь! Конечно узнаешь себя, если любитимешь вникать внутрь себя крѣпко, крѣ-

ко. . . Слмь однимъ спасешся отъ челюстей лютаго мучителя.»

Онъ много говорилъ; но мальчикъ ничего не могъ понять. Омачуя отцовскую руку слезами, и принимая книжку, прилагалъ ея, будто отца къ сердцу своему. А отецъ, радуясь какъ сыновнему усердію, такъ и разлученію своему отъ тѣла, уснулъ въ вѣчности: оставивъ на смертномъ лицѣ, образъ радости, живый слѣдъ, ублаженный миромъ души своея.

Добрый сынъ, малую сію книжечку часто читая, почти наизусть ея зналъ. Въ ней написано было, что лютѣйшій и страшнѣйшій уродъ: именовъ Сфинксъ, во время жизни отца его, всѣхъ встрѣчающихся ему, кто бы онъ не былъ, мучилъ и умерщвлялъ. Лицо его было дѣвичье, а прочее все, Льву приличное. Вся вина убивства состояла въ томъ, что не могли рѣшить предлагаемой слмь чудовищемъ задачи, или загадки, закрывающей понятіе о человѣкѣ. Кто бы не попался, вдругъ задача сія: «поутру четвероножный, въ полдень двоеножный, ввечеру троекожный, скажи мнѣ кой звѣрь. . .? Наконецъ написано, что Идипъ загадку рѣшилъ, уродъ ищезъ, а возсіяла во дни

его радость и миръ. Всю сію опись, всегда держалъ онъ въ сердцѣ своемъ.

Пришолъ мудрецовъ сынъ въ возрастъ, усилилися страсти: а свѣцкое дружество помогло ему развратитись. Сфинксъ? Какое дурачество, говорили ему! Пустая небыль! Вранье не статочное! Суевѣріе. . .! Да и самъ онъ уже имѣлъ не дитиной разумъ. Онъ понималъ, что сихъ звѣрей ни въ Америкѣ, ни въ самой Африкѣ, ни въ островахъ Японскихъ, Натура не раждаетъ. А въ Европѣ ихъ не бывало. Ни одна натуральная Исторія объ ихъ не упоминаетъ. Все уже изрядно понималъ, чтобъ быть прозорливымъ Нетопыремъ. Нетопырь острый взоръ въ ночи; а бездѣльнику во злѣ. Безпутная жизнь, совсѣмъ лишила его сердечныя веселости, заколотивъ душею его, какъ буйныя вѣтры Каспійскимъ моремъ. Тогда первый засѣвъ юродивой о уродѣ Исторіи, въ сердцѣ его согнилъ, такъ, какъ тлѣетъ старое пшеничное зерно, на нивѣ погребенное.

Въ тридцать лѣтъ началъ входить въ себѣ и узнавать.

Какое бѣдствіе, говорилъ онъ самъ съ собою, я совсѣмъ переѣнился. «Гдѣ дѣвалась радость моя? Я мальчикомъ былъ веселъ! Все у

меня есть съ излпшкомъ. Одного недостаетъ веселія. Есть и веселіе, и таковымъ меня почитаютъ: но виѣшнее; а внутрь самъ чувствую развалины основанія его. Боюсь и сумнѣваюсь! Одно то твердо знаю, что я бѣдѣнь. Что жъ мнѣ пользы въ добромъ о мнѣ людскомъ мнѣніи? Вотъ точный плодъ презрѣннаго мною завѣта и совѣта отческаго! Прибыль моя двоить во мнѣ жажду; а мои услажденія, сторичнымъ кончаются огорченіемъ. Сфинксъ!.. Чудное дѣло!.. Конечно, тутъ тайна какалато. .? Мой отецъ былъ мудръ и челоѡко-любивъ: не лгалъ и въ шутку, и не былъ къ се-му сроденъ! Не лзя, чтобъ онъ меня хотѣлъ обмануть? Конечно все то правда? (а) Чуть ли я уже не попался звѣрю тому? Мучить меня что-то: но не понимаю, и пособить не лзя. Одно только чудо, что мучусь тѣмъ, чего не вижу, и отъ того, кого не знаю. . . Пещастное заблужденіе! Мучительная тѣма? Ты-то поражаешь въ самую точку меня, въ самую душу мою: опрокинувъ, какъ вихрь хоромину, какъ буря Кедръ. Безразсудный мире! Прельщающій и прельщаемый! Ядъ совѣтовъ твоихъ, есть-то сѣмя смерти сердечной: а твоя сласть, есть - то лютѣйшій звѣрь. Она перазумныхъ встрѣчаетъ лицомъ дѣвичьимъ; но кохти ея,

кохти львовы, убивающіи душу: и убивства ея каждый вѣкъ, и всякая страна исполнена. Продолжать не хочу. Началь прозябать изъ ложной Исторіи новый и всеполезный духъ. Добрый сынъ, при восходящей внутрь себя предводительствующей зарѣ, помалу - малу узнавъ себя, со временемъ сдѣлался наслѣдникомъ высокаго отеческаго мира: вознѣздился на храмъ нетлѣнной истины; какъ почитатель родителей змѣе-ненавистный Бусель: исполнивъ какъ отцовское, такъ и пророчество сокрываемое тайнообразнымъ голубомъ, средѣ морскихъ волнъ на камень стоящимъ, съ сею подписью:

„На твердости почиваю :

Что нужнѣе какъ миръ душевный? Библиа намъ отъ предковъ нашихъ Завѣтомъ оставлена, да и сама она есть Завѣтъ, запечатлѣвшая внутрь себя миръ Божій: какъ огражденный рай увеселенія; какъ заключенный кивотъ сокровище, какъ Перлова мать, драгоценнѣйшее перло внутрь соблюдающая. Но несмысленная наглость наша, по угламъ домъ сей оцѣняющая, презираетъ, и знать не шьетъ. Очень намъ смѣшнымъ кажется сотвореніе мира, отдохъ послѣ трудовъ Божій, различеніе и

яръсть Его, вымѣленія изъ глины Адама, вдуненіе жизненнаго духа, изгнаніе изъ рая, піянство Лотова, родящая Сарра, всемирный потопъ, столпотвореніе, пѣшешествіе чрезъ море, чинъ жертвоприношенія, Лабиринтъ гражданскихъ законовъ, шествіе въ какую-то новую землю, странныя войны и побѣды, чудное межеванье, и прочая и прочая.

Возможно ль, чтобъ Енохъ съ Иліею залетѣли будто въ небо? Сносно ли натурѣ, чтобъ остановилъ Навинъ Солнце? Чтобъ возвратился Иорданъ? Чтобъ плавало желѣзо? Чтобъ Дѣва по Рождествѣ встала? Чтобъ человекъ воскресъ? Кой Судія на радугѣ? Кая огненная рѣка? Кая челюсть Адама? Вѣрь сему грубая древность, нашъ вѣкъ просвѣщенный!

Нимало сему не удивляюсь. Они приступаютъ къ наслѣдію сему безъ вкуса и безъ зубовъ. Жуютъ одну немудренную и горькую водку. Если бы они къ сему источнику принесли съ собою соль, и посолзли его съ Елсеємъ, вдругъ бы сей напитокъ преобразился въ вино, веселящее сердце. Сія воды, до дне сего, суть тѣ же Елсейскія. Какъ, только Елсей посвятилъ ихъ Господнимъ глаголомъ Божію слову: тотчасъ перестали быть смертоносными

и вредными: стали сладкими и цѣлительными душами.

Если кто узналъ себя и задружилъ; если можетъ сказать: «Бысть глаголь Господень ко мнѣ. Въмѣ человека!» Можетъ и теперь посвящать сѣи же воды.

Толкуеть обрученіе Осіа: «Обручу ты себя во вѣкъ: и обручу ты себя во правдѣ, и въ судѣ, и въ милости, и въ щедротахъ: и обручу ты себя во вѣрѣ, и увѣси Господа.

Послушайте: «... обручихъ васъ Единому Мужу, Дѣву чисту представи Христови» Испытайте Писанія: разумѣй: очищайте, роите, карайте. Развѣ не слышимъ призывающаго насъ живаго источника? «Вжаждай да грядеть ко мнѣ. . . Вотъ наслѣдіе! Покой сердца, странство духа, утоленіе душевной жажды. Не дай Богъ, намъ такъ пить изъ сего источника, какъ сѣи питоки. «Юдоль же сланая пмяше кладзи смоляные: и побѣже Царь Содомскій и Царь Гоморскій, и падоша тамо. Оставшии же бѣжаша въ горняя. Одинъ и тотъ же источникъ есть паденіемъ и востаніемъ презирателей, Богу посвящаемыхъ сихъ водъ, и ругателей Елисеевыхъ, уже не Сфинксъ; но медвѣдицы тер-

зають. «И озрѣся въ слѣдъ ихъ : и видѣ я : и проклять я Именемъ Господнимъ. . . 4 Царств. Гл. 2.

Слушай Моисея: «И будетъ, аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего. . . Проклять ты внигда входити тебѣ, и проклять ты внигда исходити тебѣ. Да послетъ тебѣ Господь скудость и гладъ, и истребленіе на вся. . . Слушай далье: «Да поразить тя Господь не имѣніемъ и огневицею, и стужею, жженіемъ, и убійствомъ и вѣтромъ тлетворнымъ, и блѣдностію, и поженуть тя, дондеже погубять. Слушай далье: «Поразить тя Господь неистовствомъ и слѣпотою и иступленіемъ ума. Станемъ тутъ: Довольно сего! Только не забудьте Сираховскихъ словъ о языкѣ. «Посланъ будетъ на ня яко Левъ, и яко Пардъ погубить я.

О сихъ грызеніяхъ и душегубныхъ жадахъ, говоритъ и Павелъ:

„Жало же смерти грѣхъ. . .“

Что есть грѣхъ, если не заблужденіе! Грѣшить, въ Греческомъ языкѣ (*αμαρτανειν*), значитъ быть безпутнымъ. Чтожъ бѣдственнѣе, какъ шествовать безъ дороги, жить безъ пути, ходить безъ совѣта? Сіе поразить сердце, бол-

нае медвѣдиць , жалчѣ шершней. Нѣтъ слаже и увеселительнѣ Истины , путеvedущей душу. И нѣтъ горестнѣ , какъ тѣма невѣдѣнїя. «Будеши (такъ же у Моисея говорится) осязай въ полудни , яко не осязаетъ слѣпый во тѣмѣ , и не исправитъ (Господь) путей твоихъ.»

Еще простѣе говорится у Иеремїи. «Накажетъ тя отступленїе твое , и злоба твоя обличитъ тя. И увѣждь и виждь , яко зло и горько ти есть , и не исправитъ (Господь) путей твоихъ. Не вѣруай и не вѣдущїй Господа, уже осужденъ есть !»

Нѣтъ горѣе и мучительнѣ сего и не будетъ никогда. Грѣхъ есть порча самаго существа, и раззоренїе самой душевной Исты. Грѣхъ значитъ , заблудитъ отъ Господа своего: а сіе есть потерять животъ и миръ сердечный. Грѣхъ, самъ себѣ ядъ и казнь. А мучитъ паче тысящи адовъ. Видите , чѣе дѣло учить о мирѣ и щастїи. Библіа сему Источникъ и Основанїе. Правда, что многїи Ангелы, сокровищу нашему, во вертецѣ рождаемуся, не очень искусно, и не по Давидову на Библейномъ инструментѣ поютъ пѣснь: «Слава въ Вышнихъ Богу! Но глупость, цѣлой тысячи не смысленныхъ живописцовъ, не сильна у насъ живописную хитрость привести въ презрѣнїе: а на-

учаетъ насъ, что сія наука есть многотрудная, и отъ толикаго своихъ любителей стада, не многимъ постигаемая.

Старинный другъ мой, Алексѣй Соха, въ собраніи дружескомъ, по теченію рѣчи, сталъ хвалиться, что общій нашъ пріятель, Севастианъ сынъ Іакинѳовъ, Лѣкаръ, возвратилъ ему очи, въ опаснѣйшемъ состояніи находящіяся. Въ семь мѣствъ нашего разговора, одинъ изъ собранія началъ горько плакать. Всѣ мы задивились, что причина? Мнѣ тотъ же Лѣкаръ, сказалъ съ плачемъ слѣпецъ, самъ собою обѣщался было исцѣлить очи. Мы знали, что добродушный Севастианъ, непринимался за невозможное, для того спросили: для чего же ты не отдался? Вотъ для чего, отвѣчалъ безокий: обмануть многими врачами, думалось мнѣ, что всѣ суть тѣ же. А теперь я навѣки слѣпъ. . . Достойно и праведно! Монета воровская, не можетъ уничтожить цѣну и честь монеты Царской. Теперь скажу вамъ то же, что въ началѣ: осторожно говорите о мирѣ? Высокая рѣчь есть, Миръ! Не будьте наглы, испытайте все опасно. Не полагайтесь на вашихъ мыслей паутину. Помните слово сіе: «Не буди мудръ о себѣ! Немудрися излише, да не когда изуми-

шися. Не оправдай себя предъ Богомъ. Почитай врача. Невысокомуудрствуй; но бойся.»

Презирать Библию, значить мудриться излише: будто мы чтось лучшее выдумали!

Оправдать себя предъ Богомъ, значить тожь: будто мы упредили Его новозобрѣтеннымъ прямикомъ къ щастію. Высокомуудрствовать значить, будто въ нашъ вѣкъ родилась истинная премудрость, незнаемая древнимъ вѣкамъ, и нашимъ предкамъ.

Сіе есть высокопостепенное сумозбродство, если думать, что въ нашихъ временахъ взошло солнце: отворился ключъ здоровыхъ водъ; изобрѣтена соль. . . Самонужность есть повсемственная и вѣчная. Богъ и премудрость безначальны. А то самая дрянь, что вчера съ грибами родилось. Изберите день и соберитесь. Я за предводительствомъ Божиимъ и Его Библии, могъ я вамъ, если менѣ не обмануетъ самолюбіе, показать Алфавитъ Мира, или букварь Его; а теперь поручаю васъ Богу. Сумма всей нашей рѣчи, будетъ сія: «чемъ кто согласнѣе съ Богомъ, тѣмъ мирнѣе и щастливѣе. Стыжуся самъ своего слова. Лучше было сказать: соберемся, и участно всѣ побесѣдуемъ. Авось либо чтось откроетъ тотъ, который благъ есть всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ.

А Е О Н А С І Й.

А мы пойдемъ въ садъ , а изъ саду до-
мой. . . Скажите мнѣ , какъ вамъ показалась
рѣчь его ?

В Р М О Л А Й.

Мнѣ она показалась дѣломъ. Нѣтъ вред-
нѣе , какъ наглость.

Я К О В Ъ.

И мнѣ его рѣчь кажется не безъ основа-
тельною. Можетъ статься , что мы разсужда-
емъ о мирѣ такъ , какъ древніи разсуждали о
Пифагоровскихъ бабахъ. Между многими его
Гадательными реченіями , есть и сіе : «Невъшь
бобовъ. Многіе сему смѣялися , а нныя высоса-
ли изъ сихъ словъ подлые соки. Всякъ по сво-
ему сновидѣнію. Одинъ думалъ , что въ бобахъ
вредный сокъ , раждающій бессонницу. Другой
мечталъ , что срамный духъ имѣють и фигуру.
Третьему приснилось , будто обращаются въ
кровь , если прихоронить въ мѣдномъ сосудѣ ,
и прочій вздоръ. О семъ написали и книги.
Возможно ли , чтобъ мудрый мужъ , толь под-
лыя мысли , закрылъ въ своемъ Символѣ ? Мнѣ
кажется тѣ угадали , кои высосали оттуду сіе

Сираховское слово: «Премудрость Книжника во благовременіи празденства: и умяляйся въ дѣяніихъ своихъ, упремудрится. За немвнїемъ камушковъ, употребляли древнія для Кандидатовъ бѣлыя и черныя бобы. Пнеогоръ, любителей премудрости, отвлекалъ симъ словомъ отъ честолюбія: чтобъ имѣть вольное сердце, къ изслѣдованію истины. Толкуеть одинъ его Символь Цицеронъ въ книжечкѣ своей о старости; но весьма не подло. Древніи мудрецы, имѣли свой языкъ особливый. Они изображали мысли свои образами, будто словами. Образа тѣ были, фигуры небесныхъ и земныхъ тварей. Напримѣръ: Солнце значило истину. Кольцо, или змїй, около свитый, вѣчность. Якорь, утверженіе или совѣтъ. Голубь, стыдливость. Птица Бусель, богочтеніе. Зерно и сѣмя, помышленіе и мнѣніе. Были и вымышленныи образа, напримѣръ: Сфинксъ, Сирена, Фениксъ, семиглавный змїй и прочая. Печать Кесаря Августа имѣла съ кольцомъ якорь, обвитый стремительнѣйшимъ морскимъ звѣрькомъ Дельфиномъ; съ сею подписью: «Festina lente. Спрѣчь, спѣши (всегда) исподоволь. Образъ заключающій въ себѣ тайну, именовался по Еллинскому, *Емълима*, Emblemata: Спрѣчь вкидка, вправка, будто въ перстень алмаза. Напримѣръ

изображенный грибокъ съ сею подписью: «Нагло-рожденное, скоро исчезаетъ! Или снопы травы, съ сею надписью: «Всяка плоть трава! А если такихъ фигуръ сложить вмѣсто двѣ или три, какъ въ помянутой печати, тогда назывался Символь. — Conjectura поримску: по нашему бы сказать, скидка, сметка. Августова печать была головою всѣхъ его совѣтовъ въ Царствованіи, Онъ почиталъ за одно, скорость и исправность. Наконецъ такъ щастливо Царствовалъ, что народная рѣчь сія почти отродилась въ пословицу: Августу или не должно было зачинать, или переставать Царствовать. Но мнѣ кажется, что Августова печать значить и то, дабы бѣшенство душевныхъ стремленій, удерживать совѣтомъ, зависящимъ отъ вѣчности. Въ сію мысль приводитъ фигура змія, въ коло свитаго, съ сею надписью: «Отъ тебѣ (Боже) начало, въ тебѣже да кончится. Вѣчно-го вѣчность также образовалась тремя перстнями или кольцами, межъ собою сцепленными, съ подписью: «Син тріе, выше всѣхъ Стихій. Сердце устремившееся къ вѣчному, означалось образомъ стрѣлы, горѣ стремящаяся къ звѣздѣ, съ такою подписью: «Довлѣтъ мнѣ одинъ Онъ. Сердце вѣчностію просвѣщенное, образовалось кустарникомъ, или насажденіемъ, пло-

допринесшимъ зерно, падающее свѣрхъ поверхности земной, съ подписью: «Чаю будущія жизни.» Изображалось и Орломъ взирающимъ и возлѣтающимъ въ Солнцѣ, съ подписью: «Горю къ безсмертію.» Такжеде змѣемъ, совлекшимъ свою ветошь весною, и обновившимъ юность. Я не давно написалъ таинственный образъ. Онъ представляетъ Море съ берегомъ; съ котораго летитъ на другую сторону моря Ластовица, съ надписью: «Зимою, нѣтъ здѣсь для меня покоя!» Таковыя тайно образующія вѣчность фигуры, бывали у древнихъ вырѣзываемы на печатяхъ, на перстняхъ, на сосудахъ, на таблицахъ, на стѣнахъ храмовъ. По сей причинѣ названы, (Героглифика) Hieroglyphica: Сирѣчь, Священная Скульптура, или рѣзьба: а толкователи названы, Hierophantse. Священно-явители: или Mystagogi, тайно водители.

Отсюду видно родилася пословица сія: не фигура, то есть, не трудно.

Л О Н Г И Н Ъ.

Мнѣ кажется, что и самая Библия есть Богомъ создана, изъ Священно-таинственныхъ образовъ. Небо, Луна, Солнце, Звѣзды, Ве-

черь, Утро, Облакъ, Дуга, Рай, Птицы, Звѣри, Человѣкъ и проч. Все сіе суть образы высо- ты Небесной премудрости, показанной Моисею на горѣ: все сіе и вся тварь есть стѣнь, об- разующая вѣчность. Кто бы могъ догадаться, что Ноева Дуга Образъ есть Священныя Биб- лии. Если бы не сынъ Спраховъ, похваляя Бо- жественную премудрость сказалъ: «Слава высо- ты, твердь чистоты. . . Солнце въ явленіи по- жигающее горы. . . Луна всѣмь. . . Мѣсяць по имени своему есть. . . Доброта Небесе, слава звѣздъ. . . Видѣть дугу и благослови со- творшаго ю: зѣло прекрасна сіяніемъ своимъ? Гл. 43. Всю сію неба и земли тварь сотво- рилъ Вышній въ томъ, да прообразуетъ она торнее начало власти Божіей, силу слова Его, и Славу присносущнаго Духа Его.

„Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.

Когда вся тварей смѣсь проистекаетъ изъ Божіею источника, тогда да возвращается къ Тому же, Кой есть начало и конецъ, и насъ за Собою да ведетъ отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси. Сіе великое свѣтило (Библия), сотворенное на тверди крѣпости Вѣчнаго на- то, да освѣщаетъ земленныи умы наши: да раз-

лучаетъ намъ между днемъ Воскресенія, и между ночью тлѣнія, которое одно намъ, какъ видимое, такъ и знаемое, да ведетъ своими знаменіями во времена вѣчности, во дни спасенія, въ мѣсто Господне пріятное. Оно утвержденное въ роды родовъ, да покрайнейшей мѣрѣ нѣколькокая часточка людей Божіихъ въ семь Ковчегъ спасется отъ змія, изbleвающаго потопъ, наводняющій землю безбожіемъ. Въ семь Ковчегъ почиваетъ нашъ Ное, сирѣчь Миръ, всякъ умъ превосходящій: и кто воздвигнетъ Его? Тутъ гнѣздится и голубица Его (Иона Еврейски) извнутри испущаемая, возводящій высокій взоръ свой, усматривающая превосходящія тлѣнія воду верхи горъ вѣчныхъ, горъ правды Божіей, мѣсто злачное, землю износящую быліе травное и древо плодовитое. День третій воскресенія: и приносящая въ устахъ своихъ намъ Милость Мира, и твердое Надежды утвержденіе, глаголя: «Радуйтесь! Не бойтесь! Что смущенны есте? Миръ вамъ! Идите возвѣстите братіи моей. . .

Если бы кто вшелъ въ Покой Чистыя сія Голубицы, и отдохнувъ посреде предѣловъ ея съ Исааковымъ Сыномъ: тогда бы узналъ, что вся Слава ея внутри находится, и признался бы, что подлинно крѣпа Ея погребенны, что

шумъ ихъ чудный: а междораміе Ея сіяетъ самымъ и никому не слыханнымъ златомъ. «Злато же земли оныя доброе: и тамо есть Анфраксъ. Быт. Гл. 2. И камень зеленый! Но такъ все закрыто фигурами, и образами такъ запечатано: что весьма трудно, да и невозможно пролѣзти сквозь ограждающую Рай сей стѣну; если съ нашимъ согдядателемъ Халевомъ не будетъ въ товарищахъ Сей: «Азь Есмь Дверь... Глубина сія Божіей премудрости, стѣнью образъ снаружи покрытая, ни коего вида, ни стройности, ни вкуса не имѣетъ. «Земля же бѣ невидима и не устроена: и Тьма. . . Такова она бываетъ потоль, поколь найдетъ на нея Духъ отъ Вышняго, какъ говоритъ Исаіа, (Гл. 32). «И будетъ пустыня въ Хермель. Претворится въ гору Кармилъ. Въ плодоносіе, или въ пищи изобиліе. «И Духъ Божій ношашеся верху воды.

Сей одинъ всеильный, сходящій отъ Вышняго Духъ: какъ сотворилъ всю сію небесныхъ и земныхъ, и преисподнихъ и морскихъ, (свѣтило, звѣри, золото, перла) образъ тьму: такъ и вывести можетъ изъ мертваго живое, изъ пустыни изобиліе, изъ обуялаго вкусъ, изъ тьмы просвѣщеніе.» И рече Богъ. Да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ!» Все въ ней кажетъ

ся просто и одинако сказано; однакъ Двое сіе слышахъ. Давидъ говорить: и Духъ двойное свое Слово, на двое раздѣляетъ, на образующее, и на тайно-образуемое.

„И разлучи Богъ между свѣтомъ, и между. . .

Да не помыслимъ же, что Слово Божіе въ самомъ дѣлѣ есть двойное. Двойное по естествамъ своимъ Двоимъ, по тлѣнію и не тлѣнію: по плоти и Духу: по Божеству, и человѣчеству. По лицу же, или Ипостаси: одно и тожде.

„И бысть вечеръ: и бысть утро, день единъ.

Въ сей - то силѣ сквозь бурю и облакъ спрашуеть Іова Бога: «Гдѣ былъ Еси, егда основахъ землю? Возвѣсти ми аще вѣси разумъ? Кто положи мѣры ея, аще вѣси? . . Въ коей же землѣ вселяется свѣтъ? Тъмь же, кое есть мѣсто? Гл. 38, ст. 4 и 19.

Вся тьма земныхъ образовъ въ тую мѣть, мѣру и намѣреніе положена, да течеть къ своему началу. «Въ Началѣ Бѣ Слово. . . Вся тьма быша. . .

Саміи сіи два образа вечеръ и утро, если бы не Истинны были, и не возво-

дли куда - то : никогда бы не сказалъ Давидъ:
 «Исходы утра и вечера украсиши.» Но Бого-
 духовенное сердце, и въ сихъ ночкахъ нахо-
 дитъ землю вселяющагося Свѣта, и мѣсто тьмы.
 «И свѣтъ во тьмѣ свѣтится. . .

Таковыи образы (Emblemata) всегда вклю-
 чаютъ внутрь себѣ, нѣчтось золотое и драго-
 цѣнное. Разумѣй Божіе. «И видѣ Богъ, яко
 добро!»

Возмите напримѣръ сіи два образа изъ
 Исаиѣ: «Персть отъ колесе: и вспомните дан-
 ный Іову запросъ: «Въ коей землѣ вселяется
 свѣтъ. . .

Кто не скажетъ, что персть или грязь
 отъ колеса, значитъ тлѣнную природу? Сіе
 есть мѣсто тьмы. Кто же опять не видитъ, что
 колесо пріосѣняетъ Вѣчнаго вѣчность? Сіа есть
 земля включающая въ себѣ свѣтъ вѣчности,
 знаменуемая колесомъ: будто колесо въ коле-
 си заключилося: въ земленомъ Небесное, въ
 тлѣнномъ нетлѣнное, какъ говоритъ Іезекіиль,
 видѣвшій колеса: «И дѣло ихъ бяше, яко аще
 бы яко коло въ колесѣ. Гл. 1.

Но сіи колеса не простыи были. «И ви-
 дѣніе колесъ, и сотвореніе ихъ, яко видѣніе
 Оарсиса (родъ драгоцѣннаго камня). Говоритъ

и Давидъ: «Гласъ грома твоего въ колеса. . .
Видите, куды сіи колеса докатилися.

Теперь, кажется видно, что колесо есть, образъ закрывающій внутрь безконечное коло Божія Вѣчности. И есть будто персть, прильнувшая къ Ней. «Духъ жизни бѣше въ колесахъ. Духъ жизни и вѣчность, одно и то же.

Мнѣ кажется, что и самъ Іезекіиль то же признаетъ, что въ тваряхъ сокрывается пріосъняемая Божія Истина, когда говоритъ сіе: «По средѣ животныхъ видѣніе свѣщъ. . .

Сіи Слова Его по всему однѣ суть и тѣ же, съ словами сими: «Злато же оныя земли доброе: и тамо есть Анѣраксъ. . .

Анѣраксъ, драгоцѣнный есть камень, подобенъ блистаніемъ огненному углю, Гречески Анѣракс. То есть, раскаленный уголь. Сей уголь очистилъ Исаи уста: то уже и видно, что уголь есть фигура. И не уголь очистилъ сердце сыну Амосову: но тайно — образуемая углемъ горящимъ Слава Божія. «Не бѣ Той Свѣтъ, но да свидѣтельствуеть о Свѣтъ. Саміи его четыре животная, что таскають за собою видѣнные ему колеса, кажется тоже начерчиваютъ. Образъ коей-либо твари, включающій въ себѣ блистательный видъ вѣчности, есть будто бы везущій Сокровище Божіе возокъ: Ев-

рейски чуть ли не Херувимъ? «Имамъ же со-
кровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ!»

Можетъ статья, что сіе жъ значить и то,
что Пророкъ своимъ животнымъ, такъ какъ и
колесамъ, вокругъ насажалъ, и будто алмазы
вправиль, множество очей. Колеса Пророкъ
умомъ проникая, слышитъ тайный вопль сей:
«О колеса! Но и здѣсь приличествуетъ той же
воплъ: О очи! И чуть ли сіи очи не тѣ, о ко-
ихъ Іереміа:» Господи, очи твои зрятъ на вѣ-
ру. Гл. 5. Сіи очи и въ Іовѣ есть. «Очи твои
на мнѣ. Гл. 7. Сверхъ Пророчихъ и Іовлевыхъ
очей, есть еще Господни. «И положи (Елисей)
уста своя на устѣхъ Его, и очи свои на очи
Его. . . И согрѣяся плоть отрочища. 4 Царст.
Гл. 4. А безъ сихъ очей, очи Пророки больз-
ненны какъ у Лиц, и слѣпы и не вкусны. За-
тѣмъ сидящаго на Херувимѣхъ. «Отверзи Го-
споди, (Проситъ Езекиа) очи твои и видѣ. . .
Не всякому сіи Очи отворяются: но содержат-
ся внутри сѣни животныхъ.» Отвращу Очи мои
отъ васъ. Исаіа. Лукъ и Клеопъ они отверзлись.
Но прежде и симъ держастися, да его не по-
знають. Сокрыли было взоръ блаженныхъ сихъ
очей скоты полевши, и звѣри дубравныи: по-
коль возсія Солнце и собращася. . . Вотъ
одинъ щенокъ львовъ! «Скимень Львовъ

Иуда. . . Но имѣеть ли очи лице сіе Львово ?
 Имѣеть; но для вѣрныхъ. Вотъ они: «радосто-
 творны очи его паче вина. . . Быт. Гл. 49.
 А невѣрныи не раскусивъ , на лицѣ образую-
 щемъ увязаютъ. «Очи Господни на правед-
 ныя. . . Лице же Господне на творящія злая ,
 видящія доброе и лукавое. Они видятъ доброе;
 но лукаво: въ добротѣ лукавство , въ истиннѣ
 сльнѣ , въ животѣ смерть; а симъ самимъ дѣла-
 ютъ доброе злымъ. «Творящія злая!» И не див-
 но. Очи сіи очень глубоки. Одна точію вѣра
 на ихъ взираетъ: а они взаимъ на вѣру. «Очи
 твои яко езера во Ессевонѣ (Градѣ). Пѣснь
 Пѣсн. И очень высоки. Поднимаются надъ пред-
 двѣріе вратъ дому Господня. Они не дрем-
 лютъ , и никогда не уснутъ , храняще домъ
 свой Израильскій , Храмъ Библии. «Да будутъ
 очи твои отверсты на храмъ сей день и ночь:
 5 Царст.

Сіи очи увидѣли Закхеа. «Воззрѣвъ Иисусъ. . .
 и Веніамина. «Воззрѣвъ очима своими Иосифъ. . .
 Вотъ же вамъ и Телчее лицо ! Моисей благо-
 словляя Иосифа , называетъ его быкомъ. «Пер-
 вородный юнца , доброта его. . . Второз. Гл.
 33. Юнецъ есть ничто; но первородный лица
 сего, есть красотою. Первородный и Начало ;

все одно. «На не же аще мѣсто зряше Начало
Единое, идяху въ слѣдъ его. Иезекіиль Гл. 10. . . .

Много я о очахъ наболталъ, не можно ль
нѣсколько удостовѣрить, что видѣніе внѣшнее
сихъ многихъ очей, есть фигуры, одного не
дремлющаго и вседержительнаго Ока Божія: и
когда колеса образуютъ гласъ грома Его: тог-
да Очи пріосвѣщаютъ присносущное сіяніе Сла-
вы Его. «Слово плоть бысть. . . И видѣхомъ
Славу Его. . . Не хочу больше говорить, кро-
мѣ съ Пророкомъ же сіе: «Идѣ же аще бѣше
облакъ, тамо бѣше и Духъ.» Облакъ и образъ,
кажется одно. Но онъ и самъ говоритъ: Сіе
видѣніе (есть) подобіе Славы Господни. Будь-
то жъ не одно то: Подобіе, и Образъ. А ме-
жду колесомъ и окомъ, не много разности.
Кольцо и то, и другое. Вся Библиа есть прахъ
и персть: но осыпавшая многоочитое колесо
вѣчности Божія. Изъ сей безобразной грязи
исходитъ Свѣтъ видѣнія Славы Господни бли-
стательныя какъ молнія, сіяющія какъ золото,
прозрачныя какъ Шлектронъ (янтарь), огне-
зрачныя какъ Анераксъ, доброводныя какъ
Фарсисъ. Сей свѣтъ избавляетъ ея отъ уничи-
женія и оплеванія людскаго. «Смиренная и ко-
леблемая, не имѣла еси утѣшенія: се азъ уго-
товляю тебѣ Анераксъ камень твой, и на осно-

ваніе твое Сапфіръ. Исаи. Гл. 54. Въ то время веселится сія невѣста. Взгляньте напримѣръ на облакъ, объемлющій прекрасное Коло сіяющія дуги. Не живой ли сей Образъ Библии, фигурами осѣняющія сіяніе Славы Божія, на горѣ преобразуемая? «Дугу мою полагаю во облацѣ. . . Взгляньте на пустое поле, износящее траву и благовоныя цвѣты. Сей есть Символь ея, раждающія изъ пустыни изобиліе, изъ гнили нетлѣніе. «Азъ есмь цвѣтъ полній (полевой) и кривъ удоольный.

Сіе-то поле видѣлъ Іезекіиль, полное костей человѣческихъ. Но ту бѣше Слава Господа Бога Израилева, видѣнная ему на семь полей. И теперь есть и видится, если кто можетъ проректи на кости сіи. Изъ сего поля, персть возьмъ Создатель, подмѣшавъ своей слины, помаза очи слѣпому. Персть ничто; но подмѣшанный вкусъ Божественныя слины, освобождаетъ слѣпоты, отверзая очи Боговѣднія. Вкусъ безъ слины въ пищѣ не бываетъ. «Приложилъ Еси премудрость и благая къ симъ наче всякаго слуха. . . 3 Царст. Гл. 10. Взгляньте опять на вознесеннаго змія Моисеева. Если онъ виситъ въ коло свитый: есть фигура вѣчности; если же просто: есть Образъ Божія Премудрости. Сей змій всѣ ползущіи зміи по-

жираетъ. Сей пожеръ Египетскихъ мудрецовъ
жезлы. «Вся мудрость ихъ поглощенна. . .

Сей змій возносится на крестъ. Христось
Божія Сила и Премудрость !

„Погублю премудрость премудрыхъ. . .

Взгляньте на самага Адама. . . «Вышнихъ
ищите , идѣ же есть Христось. Горняя мудр-
ствуйте. . . Что больше говорить? «По Обра-
зу Божию сотвори Его. Хоть по образу, хоть
въ Началь. Да образуетъ сѣнь Того Единого
Мужа , кой есть Начало и Конецъ.

Адамъ былъ глинянъ точию ; а теперъ и
Духъ жизни внутрь его есть. Былъ одинъ, подлый;
а нынѣ въ одно Лицо соединился и — Небесный!

„Сниде яко дождь на руно. . .

Одно тое извѣстно , что весь сей сѣнов-
ный миръ, до послѣднїя своея черты , отъ ви-
ноградныя лозы, до самой крапивы, отъ нитки
до ремня , событіе свое получаетъ отъ Выш-
няго. . . .

Всякая вѣдомость, есть Образъ; а каждый
Образъ, есть плоть, сѣнь. . . — Взгляньте на не
проходную чашу Левитскихъ обрядовъ. . . — Од-
накъ вся сія земленность, совсѣмъ хвостіемъ

сторѣвъ , въ Начало течеть. «Коль чудно имя твое по всей земль !

Сіе все дѣлаеть нашедшій Духъ отъ вышняго, вѣдая, что всякое дыханіе и тварь ему служить. . . .

Духъ твой благій наставитъ мя. . . Духъ вся испытуетъ, и глубина Божія. . .

Сіе-то покрывало и мракъ стѣны, отводитъ читателей отъ Библии, лишая насъ вкуса: да не слышимъ Глаголющаго къ намъ сквозь бурю и облакъ Бога, и не можетъ сказать : «Пройдя вмѣсто селенія дивнаго, даже до дому Божія. . . Внѣду къ жертвеннику Божию. . . Кромѣ прочіихъ одинъ Соломонъ для созиданія стѣны сея сколько натаскалъ матеріаловъ. «Сія бѣ вещь корысти, юже принесъ Царь Соломонъ на созиданіе Храма Господня, и Дому Цареву, и Стѣнъ Іерусалимстѣй. «И все внутрь Давіра покры златомъ. Царст. 3.

Но кто силенъ, да возсіяеть красота Дому сему Божию, отдѣлитъ корысти, будто завѣсу Храма отдернуть : войти внутрь Давіра : (Давіръ значитъ Слово) и ввести въ самыя междорамія? Духъ утѣшитель управляетъ силу Библии, . . . находясь и самъ Вѣчнымъ, и даетъ глаголь благовѣствующему. «Царь Силь возлюбленнаго, ради красоты дому раздѣлти коры-

сти. . . : А безъ Его все темное, не видимое, и не устроенное. «Донде-же найдеть Духъ. . . . Тогда все возвращается къ безначальному концу, какъ кольцу, и къ безначальному Началу. «Въ Началъ сотвори Богъ небо и землю. . . . «Въ Началъ Бъ Слово. . . .

Сей многообразный плетень Образовъ, и фигуралныи узлы, именуются въ Библии Знаменія и Чудеса. «Посла Моисея раба своего. . . . «Помяните чудеса Его. . . . «Просите, и дастся вамъ.

. . . «Знаменася на насъ Свѣтъ. . . . Разумѣть таящуюся въ знаменіяхъ и чудесахъ Силу Слова Божія, есть дѣло Пророковъ, сирѣчь видящихъ, очитыхъ, прозорливцовъ. »Знаменій нашихъ не видѣхомъ, нѣсть къ тому Пророка. . . . Пророки тое прорицають, что презирають. — Провидятъ въ тѣни Сущаго. Все то не будущее, чего не будетъ; все то не будетъ, что тѣнь; все то тѣнь, что гибнетъ. То одно есть будущее, что всегда пребудетъ.» По-слушаемъ Давида. «Помянухъ лѣта вѣчная, и поучахся?»

Конечно твореньми помышляема, Присно-сущная Сила Его и Божество уразумѣвается. Разсуждалъ безъсумнѣнія онъ Чудеса. Образа и Фигуры Божіи, какъ самъ, тамъ же, всплошь

говорить: «Ношю сердцемъ моимъ размышляхъ,¹
и испытоваше Духъ мой. Псал. 76.

«Взыщите Господа: и утвердитесь, помяните Чудеса его. . . Помяните Чудеса Божія значить то же, что Римское слово сіе: *Commeniscor, commentor*, вздумать, надумать. *Commentarius*: Гречески *Ερμηνευαι*, толчу, толмачу. И не дивно, что у Павла сіе Слово (Пророчествовать), значить толочь и раскушивать Священное Писаніе. «Держитесь Любве, ревнуйте же Духовнымъ, паче же да Пророчествуете. . . Пророчествуяй, челоуѣкомъ глаголетъ созданіе и утѣшеніе, и утвержденіе. 1 къ Коринѣ. Гл. 14.

Вспомните и то: «Да незаграднша устенъ вола молстѣща. Имѣеть обычай и Италия молотить волами. Вспомните же и Луку, образуемаго воломъ. Сіи суть Сынове Израилевы, очищающіи отъ шелухи Слово Божіе. . . .

Обрътающіи . . . въ безчестномъ безцѣнное, какъ Евангельская жена монету въ горничномъ ссорѣ: «Радуйтесь со мною, . . .» Сей есть Господь, Его же завѣща. . . Сей хлѣбъ. . . «Вкусите и видите. . .» Обрътохомъ Мессію. . . «Аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста моя будеши. Терем. Гл. 15.

И чуть ли не сіе , тайныя вечера зерно : кушалъ съ товарищами своими Даниль , и сдѣлался добрѣе лицомъ , и крѣпше тѣломъ паче служителей , ядущихъ отъ стола двора Вавилонскаго ! А Иаковъ , чрезъ сіе же досталъ отъ Исава первенство . Поощряетъ къ сему и Пророкъ Михеа . «Сіи же не разумѣша помышленія Господня . . .

Если изъ тѣнныхъ стало выникать нетѣнное понятіе , тогда-то можно сказать : «Зима преjde , дождь отиде , отиде себѣ . Цвѣты явшася на земль , время обрѣзанія виноградныхъ гроздей приспѣ . Пѣснь Пѣсн . Гл . 2 .» . . .

Въ то время точно дается знаменіе въ понятіе челоѣку , когда онъ изъ плоти преобразуется въ Божество . «Сотвори со мною знаменіе во благо . Будто бы сказалъ : Сотвори въ Началѣ , здѣлай Твоимъ , приведи къ Концу . Ты Начало и всякія кончины Конецъ безконечный . И не сіель значитъ Манна , падающая свержь поверхности земной ? «И се на лицѣ пустыни мѣлко аки Коріандръ , . . . бѣло аки ледъ на земль . . .

Сіи жь знаменія называются терминами , Славенски , предѣлами , силу Божию внутрь себѣ заключающими . «Аще поспите посреде предѣль . . . Тотъ отдохнетъ , кто вникнетъ , ввійдетъ , раскуситъ и пажитъ обрѣцетъ .

„ . . . Аще внідуть въ покой Мой.

АЕОНАСІЙ.

О братъ Лонгинъ! Долго везешь твою колесницу. . . .

ЕРМОЛАЙ.

Не мѣшай ему, Аѳонасіи! Мнѣ много хорошаго привела на память рѣчь его. Вспомнилъ я Дамаскинову Оду, поемую въ пресвѣтѣйшее Воскресенія утро: «Богоотець убо Давидъ. . . Образы, или Символы, дали поводъ вспомнить Сѣнь Авраамову, приѣмшую въ себѣ Трисолнечное Единство Божіе. И кто мнѣ воспятитъ мыслить, что Авраамъ Сѣнію своею, служитъ Вышнему? . . .

Сіяніе премудрости Божія, изъ тѣннихъ образовъ блистающія, подобны есть драгоценному сокровищу, въ недрахъ сокровенному. Но очи. . . Очи зарею Божества блистающія: Очи спасительныя. . . Очи тобою помянутыя, представили мнѣ, жалости достойнаго Самсона безъ очей. Очи, сильнѣйшему сему Мужу, и Судіи Израильскому, выкололи тѣ, кои Исааку грязью затаскали источники. . . . «Како омрачи во гнѣвъ своемъ Господь дщерь Сіоню, сверже съ Небесе на землю Славу Израиле-

ву. . . «Око мое погрязне. . . Око мое закры-
вается. . . Оскудѣша очи ваши. . . Померкну-
ша очи наши. . . Разсыпая радость Сердцець
нашихъ. . .

Но никогда они пуще затасканы не бы-
ли, какъ въ наше время, да не видимъ тое.
«Блаженны очи видящїи, я же видите. . .

„Очи Господни соблюдаютъ чувство.
Притч. 21.

Сіе чувство есть источникъ мира и ве-
селія.

Сіе Божественное око, одно точію свѣ-
титсѧ. Единъ Богъ, Едина Вѣра, Единое Око,
и въ Библии, и вездѣ. . . .

О преблаженное и вѣчно-сілющее Око!
Привлекн насъ, яви намъ зракъ твой, и услы-
шанъ сотвори намъ гласъ твой: яко гласъ твой
сладокъ, и Образъ твой красенъ. . . . —

АЕОНАСІЙ.

Куда вамъ, братцы, понравилась околѣ-
сная! Одинъ усталъ, другой началъ.

ЯКОВЪ.

Подлинно жалки Израильскому сердцу
иноплеменничюю рукою избоденныя очи Сам-
сону. . . .

ЕРМОЛАЙ.

Ахъ! Не одинъ Самсонъ слѣпъ. Иовъ, Давидъ, Соломонъ, Товитъ и прочіи, суть слѣпцы, при пути сидящіи и вопіющіи:

„Призри на мя и помилуй мя. . .

„Очи наши ко Господу Богу нашему. .

Одинъ Господь мимоходя: сокровенныи ихъ очи отверзаетъ.

„Просвѣтиши тьму мою. . .

„Наведу слѣпыхъ на путь, Его же не видѣша: и по стезямъ, ихъ же не знаша, ходити сотворю имъ: сотворю имъ тьму во свѣтъ, и стропотная правая. Исаіа. 42.

Тогда сіи нищии богатѣютъ, недужныи исцѣляются, мертвѣи востають.

«Тогда скочитъ хромый, аки Елень. . . . Идетъ и мимо Моисея Господь. «Покрыю рукою моею надъ тобою, донде же мимо иду.

Ожидаетъ и Исаіа чаяніа Израилева, и говоритъ, что не минетъ мене Господь мой. Проситъ и Іереміа: «Исцѣли мя Господи и — исцѣлю. . . Яко хвала ты еси. Гл. 17. Жаждетъ сего же и Аввакумъ: «Нѣси ли ты искони Господи Боже Святыи мой: и не умремъ.» «Вѣмъ бо яко присносущенъ, есть, иже имать искупити мя: и на земли воскресити. . . Іов. 19.

Что древамъ плодъ и цвѣтъ, что ночи дневный свѣтъ, что солнцу лучи, что вечерней зари тонко-блистающіи волоса: тое Израильскому роду намѣренная Точка ихъ, помазанный Господь ихъ. Его лучи, суть свѣтомъ очей ихъ, сердца радостію, волосомъ и вѣнцемъ главы.

Мы думали, (плачетъ Іереміа) что находясь Сѣнью Божіею между невѣдущими Бога, надоумить ихъ о вѣдѣніи Божіи, и сіе будетъ намъ защитою. Но не такъ послѣдовало: Они начали щипать тлѣніе наше: а растлѣнными мыслями, намѣренную точку нашу со всѣмъ задавили. «Духъ лица нашего, помазанный Господь, ятъ бысть въ растлѣніяхъ ихъ: о немъ же рѣхомъ, въ Сѣни Его поживемъ во языцѣхъ. Гл. 4. «Скорѣйшии быша гонящии ны, паче Орловъ Небесныхъ. . . «Положиша трупія рабъ твоихъ брашно птицамъ. . . Однакъ власъ главы ихъ на время можетъ: а во вѣкъ погибнуть не можетъ. Конечно по времени, надъ трупы рабовъ Божіихъ, соберутся Небесныи Орлы, силою Того: «Призывай отъ Востокъ птицу. . . Ісаіа 46.

ЯКОВЪ.

А мнѣ всплылъ на сердце сей Соломоновъ узолокъ:

„Ничто же ново подь солнцемъ!

АЕОНАСІЙ.

А тебѣ въ солнцѣ, вмѣсто колеса, при-
шлся узолокъ. Кой ты тутъ узолокъ нашолъ?
Его тутъ никогда не бывало. Мнѣ кажется Со-
ломонъ просто говоритъ, что въ свѣтѣ все
старое: что сего дня есть, тожъ и прежде
всегда было.

ЯКОВЪ.

Взбрелъ же мнѣ на умъ предревній Зароа-
стеръ съ Пѣснью: «Κλυθι Μακαρ, Πανδεσχει,
Εραυ αιαινιου Ομρα. То есть: «Услыши бла-
женный, Всевидящее имѣяй вѣчное око.

АЕОНАСІЙ.

Многиі говорятъ, будто онъ сіе пѣлъ
Солнцу.

ЯКОВЪ.

Но можетъ ли Солнце однимъ взоромъ сіе
видѣть, хоть на одной поверхности земли?
Взоръ его не присносущный. Такъ думали въ
Персіи тѣ тяжкосердиі, кои не взоидя къ об-
разуемому, погрязли въ образующей стихіи.

Пускай же и такъ, а мы съ Израилемъ воспоемъ сію Пѣснь тому: «Возсіяетъ вамъ болѣющимъ имени Моего Солнце Правды. . . Престоль Его яко дніе Неба.

А видали ль вы когда Символь, представляющій дождевннй облакъ съ радугою? А возль его, сіяющее Солнце съ подписью:

„Ни дожда ни дуги безъ солнца.

Вспомните Михаила, поднявнаго Шарь, пвопіющаго: «Кто яко Богъ? Вспомните старинныхъ любомудрцовъ реченіе сіе: «Центръ Божій вездѣ: окружность нигдѣ. . . .

АЕОНАСІЙ.

Вотъ и третій принялся гнуть тѣ же дуги съ лукошками и обручами. Сколько видѣть можно, вы скоро накладете въ щеть вашихъ колесъ рѣшета, блюда, хлѣбы, опресноки, блины съ тарелками, съ яйцами, съ ложками и орѣхами, и прочую рухлядь. Я помню, что въ Таковлевскомъ лѣсѣ, называемомъ Уламлузъ, находится множество орѣховъ. Придайте горохъ съ бобами и съ дождевыми каплями. Въ Библии думаю все сіе есть. Не забудьте плоды изъ Соломоновскихъ садовъ, съ Иониною тык-

вою, и арбузами. Наконецъ и Захаріинъ седмосвѣщный свѣтилникъ, съ кружечками и съ горящимъ въ орѣховидныхъ чашкахъ Елеемъ: а чашка есть большая часть шара, нежели тарелка: а тарелка, нежели вашъ ободъ. И такъ будетъ у васъ полный пиръ голодный.

ЯКОВЪ.

Чтожь ты думаешь?

АБОНАСІЙ.

Думаю, что не укусите сіе сдѣлать: а я васъ запру въ пустую горницу.

ЯКОВЪ.

Не устыдился всеблагій Богъ, одѣваясь свѣтомъ Солнечнымъ, и въ подлыхъ пеленахъ сокрытиса такъ, какъ плодъ въ ничтожномъ зернѣ: и сокровище утаенное въ рубищѣ, тѣмъ пріятнѣе, когда найдется: и какъ Іона, съ головою своею, есть ничто, и одинъ изъ числа слѣпыхъ и недужныхъ, лежащихъ при Божіемъ пути: такъ и подмая тыква, ночью и раждающаяся и погибающая, можетъ быть Сынъ Вѣчнаго, прохлаждающая Іону. «Осѣнилъ еси надъ главою моею. . . Іона значитъ голубь.

Око его смотритъ въ вѣчность, тѣнью тыквы образуемую. Если бы Захаріинъ свѣщникъ не былъ Символомъ, а маслинное древо Эмблема: никогда бы онъ не сказалъ: «Видѣхъ. . . Видѣть Свѣтильникъ и Маслину, значитъ чувствовать разумъ, соблюдаемый въ сихъ фигурахъ, кои давно уже изображены въ Моисейскихъ книгахъ: и не иное значитъ, что Пророчить Иона по изліаніи Духа: «Сонія узрять, и видѣнія увидать. Тое ли тебѣ дивно, что мы въ сей Божіей землѣ толчемъ, роємъ и находимъ вѣчность Ето? Не слыхалъ ли ты, что говоритъ Приточникъ о Библии?

„Вся содѣла Господь себѣ ради.

И не догадаешься, что проклять похищай что либо отъ тѣнни Иерихонскаго съ собою? Не можешь ли чувствовать, что Библиа тѣмъ есть книга Богословская, что ведетъ насъ единственно къ Вѣднію Божію, минувъ все тѣнное? Все тутъ земное разоряется, да соиздается Скинія нерукотворенная Вышнему. Конечно забылъ ты зарывшаго въ землю талантъ. Вспомни, что земля, раждающая соль, ни къ чему уже другому неспособна. Куда годится руно сіе? Если не оросится каплями превыспреннихъ росы: если разумомъ соб-

ственныхъ своихъ рукъ, не прикроетъ Вышній?
 «Сотвори мнѣ величіе Сильный. Весь сѣ-
 нописанный мракъ разоряетъ, всю тлѣніа во-
 ду, бурейю своею возмущаетъ, все не опалимо
 палитъ во всеожженіе: да Единого Его дымъ
 Духа, со всего града сего, выспръ столпомъ
 возьмется, и дышетъ по вселенній.

„Не дамъ славы моея иному. *Исаіа.*
 „Смирна и Стакти и Касіа отъ ризъ
 твоихъ.

АѦАНАСІЙ.

А я не думаю, чтобъ Каинъ съ Ламе-
 хомъ, или Сауль съ Исавомъ, внушали намъ
 своею фигурую присносущіе Божіе. Какъ же

„Вся содѣла Господь себѣ ради?

Сіе жь можно сказать о Филистимахъ, а
 можетъ быть и о криматыхъ вашихъ быкахъ,
 съ летучими Львами, и протчихъ пліоткахъ.

ЯКОВЪ.

Если бы вы изволили разсудить по тонѣ,
 никогда бы сего не сказали. Для того-то намъ
 внушается тьма, дабы открылся свѣтъ. Кто
 научилъ, что такое есть кривое: тотъ давно

показаль прямое. Чувствуешь, что одинъ взоръ познавъ черное, познаваетъ вдругъ и бѣлое.

АВНАСТІЙ.

Скажи мнѣ, для чего Богъ изображается колесомъ ?

ЯКОВЪ.

Сей твой вопросъ, воняетъ Аѳинейскими плетеніями. Онъ начинается все, не начинается: тьмъ есть начало. Не можетъ быть началомъ ничто, если прежде того было что-либо. Тое одно есть истинное начало, что все предваряетъ, а само ни чемъ не предваряемо. Одинъ только Богъ есть родное Начало, что все предваряетъ. Онъ все предваряетъ, и — послѣ всего остается: чего ни о чемъ другомъ уже сказать не можно.

„Останки младенцемъ.

„Покрыеть ты Божіе Начало. *Второзак.*

Вотъ кольцо и вѣнецъ вѣчнаго, вѣнчающаго ты милостію. Сіе истинное начало, образуется и всѣмъ тьмъ, что находило на Начало. Напримѣръ, главою :

„Мудраго очи Его во главѣ Его.

Тождь источникомъ :

„Источникъ запечатлѣнь.

Коренемъ :

„Корень премудрости кому открылся?

Зерномъ :

„Сѣмя есть Слово Божіе.

Востокомъ :

„Востокъ имя ему.

Сердцемъ :

„Вода глубока совѣтъ въ сердце мужа.

„Азь сплю, а сердце мое бдитъ. Пѣсн.

Пѣсн.

Древомъ плодовитымъ :

„Древо жизни по средѣ рая.

Устами :

„Не отемнѣсть очи его, ни истлѣста
устнѣ его.

Сюда принадлежитъ Облакъ, Искра, Отецъ,
Мать и проч.

ЛЕОНАСІЙ.

Для чего же сіе Начало образуется змѣемъ?

ЯКОВЪ.

Для того, что змій, въ коло свивается: притомъ и острый взоръ имѣеть, какъ свидѣтельствуеть имя его Драконъ, сирѣчь прозорливый. *Δερκατι* значитъ видящій, а *Δρακον* будущій видѣть. Око есть правитель дѣлу. Оно въ животномъ есть то, что солнце въ мірѣ: что драгоцѣнныи камни въ землѣ. Притомъ змій свиваетъ такой свитокъ, что не узнавъ ока, не узнаешь намѣренія. Библиа есть точный змій. Изъ множества таковыхъ образовъ сплетается Исторія, будто корзинка, или коробочка, вмѣщающая происхожденіе не вмѣстимаго: похожа на Перлову мать, показующую извнѣ ничтожную жесткость; но внутрь, какъ зѣницу ока, соблюдающую дражайшее сіяніе, жемчужнаго шарика.

„Ковчегъ завѣта окованъ всюду златомъ.

По наружности кажется нѣчтось человеческое. Но внутрь жилище Духа Святаго.

„Преславная глаголашася въ тебѣ градъ Божій.

„Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное.

„Злато же земли оныя доброе. . .

Мнѣ кажется Библія похожа на домъ премилосерднаго и пребогатаго Господина, стоящій въ пустыняхъ на пути, подъ видомъ гостиницы, даремной для путниковъ. Сіе онъ вздумалъ, дабы приблизить честь свою къ подлости, для нѣколикаго съ нею обращенія. Господиць изъ тайныхъ своихъ горницъ, видѣлъ вольныя поступки, слышахъ разговоры всѣхъ безъ разбору угощаемыхъ : избиралъ себѣ въ дружбу изъ прохожихъ, кто бы онъ ни былъ, если понравился. А послѣ обыкновенной щедроты, дѣлалъ особливою милости своей вѣчными участниками. На лицѣ гостиницы написано было :

Всѣ ввійдутъ : но не всѣ будутъ.

Всѣ насытятся : не всѣ насладятся.

Сія надпись инымъ чудна : множайшимъ казалась смѣшна. Если таковъ былъ Авраамъ, то и не дивно, что сдѣланъ Историчнымъ плетнемъ воплощаемыя Божія Премудрости. Прилично Богу образоватися драгими камнями; но не меньше сего, достойная благодарность Ювлева, цѣломудріе Иосифово, ревность Иліина, чистота Сусаннина, кротость Давидова, правда и вѣра Авраамова. А какъ въ розахъ, ліліяхъ, нарциссахъ благовонность по добротѣ одна,

разная по вкусу : такъ сія разнovidная сила Божія, таящаяся въ избранныхъ Его. Наподобіе злата и драгихъ камней довольно заслужила, дабы имена любезнѣйшихъ чловѣковъ, и дѣла ихъ, будто корзинками и кошпчками были, вседражайшаго Существа вѣчнаго, царствовавшего въ одушевленной ихъ плоти. И подлинно : сила терпѣнія, похожа на Адамантъ ; цѣломудренная чистота, на прозрачную зелень Смарагда : вѣра, и любовь Божія, на огневидный Анераксъ. Самыя ихъ мѣлочныя дѣйствія, будто уломки зеркала, цѣлое лице Божіе изображаютъ.

Самая ихъ легонькая сѣнь, будто маленькое крилушко, кроетъ подъ собою Вѣчнаго. И точную правду сказалъ Іезекіиль, что сіи животныя, не имѣютъ хребта. Хребетъ есть Божій.

АЕЛНАСІЙ.

Мнѣ кажется не лзя быть приличіе богообразной тѣни, какъ око. Зѣница въ окѣ, есть центръ кольца : и будто кольцо въ кольцѣ. Она есть источникъ свѣта, а безъ нея, вездѣ все тьма.

Сія дражайшая рѣчь, достойна быть образомъ Вышняго. Тутъ мнѣ вспомнилось, что нашъ Ермолай часто самъ себѣ поетъ оду :

„Свѣтъ блистанія твоего , во свѣтъ
языковъ изыдетъ, и возгласитъ безд-
на съ веселіемъ. . .

Безъ сумнѣнія тѣма образовъ есть бездна.

ЯКОВЪ.

Конечно цыркуль есть начальная фигура: Отець квадратовъ , треугольниковъ , и другихъ безчисленныхъ. Но однакожь и самая окружность зависить отъ своего центра , предваряемая онымъ. И примѣчанія достойное, что цыркульной пунктъ самая крошечная фигурка, умаленнѣе маковаго зерна и пещанки, родителемъ есть плотныхъ и дебелыхъ фигуръ, съ ихъ машинами огромными. И когда отъ столь малесенькой, вида не имущей, и почти ничтожной точки, породилися корабли, съ городскими стѣнами, хоромами, мостами, башнями, пирамидами колоссами, лабиринтами. . . То для чего не могло, изъ тайной бездны, вѣчныхъ нѣдръ своихъ, породить все безчисленное мірскихъ машинъ число. Оное всякій пунктъ предваряющее безначальное невидимое Начало, центръ свой вездѣ, окружности нигдѣ не имущее, и днесь не прерывнымъ тварей рожденіемъ, свидѣтельствующее о безлѣтномъ своемъ пребываніи ?

Око есть природный цыркуль. Центръ его зѣница. Она просвѣщаетъ око, владыку всѣхъ дѣлъ. Что коло въ колеси, что зѣница въ окѣ, и что лучъ въ солнцѣ, тое есть Богъ, въ небесныхъ и земныхъ тмахъ знаменій. Какъ только изъ тьмы ихъ блеснули его лучи Божества, вдругъ невидима и неустроена Библейная земля, принявъ на себя новый видъ, просвѣщается. Когда Библіа маленькій миръ : тогда Богъ есть Солнце Ея. Когда есть планета земли, тогда Богъ центръ ея. Когда же она человекъ, посланъ отъ Его, Богъ ей есть Духъ, сердце, глава, око, зѣница. Язычники сверхъ Стихій, ничево не прозирали. Посему образы, иногда называются языками.

„Свѣтъ блистанія твоего во свѣтъ языковъ изыдетъ. . .

„Процвѣла пустыня языческая яко крикъ (ліліа). . .

АВНАСІЙ.

Чуднымъ слогомъ, и дивнымъ словомъ сотворена Библіа.

ЯКОВЪ.

Единъ Святъ, для Единаго, единъ сей штиль.

АВНАСІЙ.

А на что похожъ слогъ Библейный, скажи мнѣ? . . .

ЯКОВЪ.

Я уже тебѣ сказалъ, что она похожа на великолѣпный Господскій домъ, подъ видомъ гостиннаго дому утаенный.

АВНАСІЙ.

А кромѣ сего, на что похожа?

ЯКОВЪ.

Похожа не на хитрый домикъ, оставленный богатымъ отцомъ. Одинъ только, въ наслѣдіе сыну. Но сынъ со временемъ догадался, что сей домикъ есть громада безцѣннаго сокровища. Стѣны его, не искусно обдѣланныя, состояли изъ неочищенныхъ рудокопныхъ, золотыхъ и серебряныхъ кипъ. Надъ входомъ, изъ неограненныхъ алмазовъ, варварская мозаическая надпись была сія:

„Коль красны дома твои Якове. . .

„Я же водрузи Господь, а не человекъ.

АВНАСІЙ.

Скажи еще, на что схожа?

ЯКОВЪ.

„Сила въ немощи, цѣна въ нищетѣ,
въ буйствѣ премудрость.

ДЕАНАСТІЙ.

Для меня такая древность пріятна. А еще
на что схожа?

ЯКОВЪ.

На рыбарскую мрежу, множествомъ без-
численныхъ шариковъ, изъ дражайшихъ кам-
ней, осажденную, цѣну свою утаевающихъ.
Она по виду, есть пустой водный сосудъ; но
по силѣ своей, цѣпь красоть и сокровищъ.
Похожа на золотородной горы каменную пе-
щеру: пресвѣтлыя горницы, внутрь себя со-
крывающую. Съ надписью:

„Гробъ живота.

„Источникъ свѣта.

„Гора Вышняго.

Похожа на Олтарь посвященный Сущему:
окруженный въ коло плетнемъ, который со-
плетаютъ не проходимыя чащы, густо наса-
жденныхъ древесъ: сладчайшія плоды, во время
свое приносящихъ. Надъ заключенными дверь-
ми написано:

Нѣсть сіе; но Домъ Божій.

АВНАСІЙ.

Рыбарская мрежа, Божественная фигура ;
Богословская пліотка, я думаю одно и то же :
такъ ли ?

ЯКОВЪ.

Не знаю, знаю только, что Богословская
сѣнь, не пустая есть: если волочить за собою
шарикъ, величиною хоть какъ зерно горчичное.

АВНАСІЙ.

Что жъ ? Развѣ оно великое ?

ЯКОВЪ.

Оно собою мало, но внутрь великое утае-
вается. Присмотрися на Смоквинное зернушко,
естьли крошечнѣе его ? Подними жъ очи, и
взгляни на силу его умнымъ окомъ: и увидишь,
и увѣришь, что въ немъ цѣлое дерево съ пло-
дами и листомъ закрылося; но и безчисленные
милліоны Смоковныхъ садовъ тутъ же утащи-
ся. Для того хорошенько разжуй, если гдѣ въ
Библии начитаешь зерна, сѣмяна, колось, хлѣ-
бы, яблока, смоквы винограда, плоды, чернуху,
хмѣль, просо и протчая. И не напрасно упо-
доблено: «Сѣмя есть Слово Божіе.

АВНАСТІЙ.

Скажи мнѣ, можно ли библейнымъ штилемъ писать протчія книги? Мнѣ кажется можно фигурами Небесныхъ круговъ, и земныхъ шаровъ, изобразить напримѣръ Астрономію, дабы она на сихъ знаменитыхъ знакахъ, изволила ѣздить, будто на колесницѣ.

ЯКОВЪ.

Для чего же не лѣзя? Будто не одѣваютъ въ высокородное платье обезьянь? И будто не возсѣдаютъ рабы въ Господскихъ каретахъ...

АВНАСТІЙ.

Ты шутишь. Развѣ Астрономія не вѣчна?

ЯКОВЪ.

Если Астрономія вѣчна, тогда гдѣ будетъ сапожное ремесло? Вѣчнымъ быть значитъ, всѣ мѣста занять. Развѣ думаешь, что и въ сапожномъ дѣлѣ Астрономія мѣсто имѣетъ? — . . .

..— Потеряли цѣну свою Пророки языческія тогда, когда прореченное о всеобщемъ, о безвременномъ, о безмѣстномъ; обративъ къ частному, мѣстному, и временному; перенесли оное на Князи, на Сыны человѣческія. Сей есть все-

общій источникъ идолослуженія. Тлѣнь по всюду
взлѣзла на колесницу Божію, сами свой прахъ
вознесли на высоту Господню. «Сіи на коле-
сницахъ и сіи на конѣхъ. . .

Посади, если хотишь, служанку Стихій,
твою Астраномію: вознеси на колесницу Вѣч-
наго. «Колесница Божія тьмами тѣмъ. . .

АѦАНАСІЙ.

Что есть Вѣчность?

ЯКОВЪ.

Тое что Истина.

АѦАНАСІЙ.

Что есть истина?

ЯКОВЪ.

То что Пречистое, Нетлѣнное, и Единое.

АѦАНАСІЙ.

Не можно ль нѣсколько высказать яснѣе?

ЯКОВЪ.

То что вездѣ, всегда, все во всемъ есть.

АѦАНАСІЙ.

Отрѣжь, какъ можно простѣе.

ЯКОВЪ.

То что вездѣ, и нигдѣ.

АѦАНАСІЙ.

Фу! Ты симъ толкомъ пуще мнѣ очи по-
врачиль.

ЯКОВЪ.

Иначе отъ тебѣ не отдѣлаться.

АѦАНАСІЙ.

Ну! Для чего Богъ изображается Обра-
зами ?

ЯКОВЪ.

А ты для чего твои мысли изображаешь
фигурами буквъ , или удареніемъ воздуха ?

АѦАНАСІЙ.

Для того , что мысли мои невидны.

ЯКОВЪ.

А Богъ восто-тысячъ-разъ сокровеннѣе
внутри твоихъ мыслей, нежели твоя воздушная
мысль , въ наружномъ твоёмъ болванѣ.

КОНЕЦЪ.

2007113199